

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[ГРОН
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА]

Роман Валерьевич Злотников

Последняя битва

Серия «Грон», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125456
Грон. Последняя битва: АСТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-072710-0, 978-5-271-34343-8

Аннотация

В Книге Мира Ооконы предсказано, что появится Измененный, который сумеет прервать череду эпох, но предсказано также, что спустя некоторое время Орден вернет свою власть. Грон прожил в Ооконе около сорока лет и давно одержал победу над Орденом – уничтожил Остров, цитадель Хранителей. Однако можно было догадаться, что едва ли у могущественного сообщества, контролировавшего развитие цивилизации на целой планете в течение пятидесяти циклов протяженностью в тысячу с небольшим лет, всего лишь одна резиденция... Догадка Грона подтвердилась: на запасном командном пункте Хранителей – в Скале, окруженной пустыней, – готовится возрождение Творца. В последние мирные годы совершено более сотни дилетантских покушений на жизнь Грона, в разных землях налетчики громят созданные им Корпусные школы, и очевидно, что это всего лишь маневры, отвлекающие внимание от главной ловушки...

Содержание

Пролог	4
Часть I	10
1	10
2	25
3	39
4	55
5	72
6	84
7	96
8	110
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Роман Валерьевич Злотников Последняя битва

Пролог

– И сколько?

Дородный мужчина, одетый в роскошный венецианский халат, задумчиво почесал свою благообразную, окрашенную хной бороду и вновь принялся перебирать опаловые четки.

– Мой наниматель щедр как никогда. Он готов заплатить... два кошелька золота.

Его собеседник, дюжий лохматый мужик, одетый в не менее роскошный хитон и толстый плащ горгоппинской выделки, и то и другое изрядно засаленное, в свою очередь почесал бороду (правда, у него она была сизой и косматой) и задумчиво протянул:

– Ну-у, а кого пришить-то надо?

Венец на мгновение оставил четки в покое и, подавшись вперед, поманил собеседника толстыми, похожими на сосиски пальцами. Тот наклонился к нему и замер. Венец что-то прошептал ему на ухо. Косматый мужик отшатнулся и, вскочив на ноги, вдруг ухватил венеца одной рукой за бороду, а

другой занес над ним невесть откуда взявшийся нож.

– Что?! АХ ТЫ ТВАРЬ!!!

Венет, взвизгнув, опрокинулся на спину, болтая в воздухе толстыми ногами, обтянутыми по самые ляжки теплыми вязаными чулками. В этот момент гулко хлопнула тетива арбалета, косматый мужик вздрогнул и с глухим всхлипом повалился навзничь, не выпуская, однако, бороды и волоча за собой визжащего толстяка.

Когда подбежавшие слуги разжали наконец стиснутые предсмертной судорогой пальцы и венет, ловя воздух широко разинутым ртом, снова занял свое место на расстеленном ковре, перед ним рухнул на колени чернокожий гигант. Арбалет в его руках казался чем-то вроде детской игрушки. Венет заглотнул побольше воздуха, оттолкнул слуг и принялся пинать чернокожего арбалетчика своими жирными ногами, захлебываясь криком:

– Тварь... тварь... тварь! Этот урод меня чуть не убил! Я купил тебя, когда ты был черным шелудивым щенком, подарил тебе счастье немоты, кормил и одевал тебя, заплатил сумасшедшие деньги, чтобы тебя обучили искусному обращению с этим богомерзким оружием, а ты... – Он еще раз дернул ногой, намереваясь пнуть гиганта жестким, расшитым золотом и жемчугом носком мягкой туфли, но зловредная туфля внезапно соскользнула с его пухлой ступни, и венет ткнулся со всей силы в каменное плечо гиганта большим пальцем. Он со стоном повалился на спину, хватаясь руками

за злосчастную ногу.

– А-а-а... пойди прочь, а-а-а, как больно!

Чернокожий гигант, который перенес экзекуцию без каких-либо видимых последствий, вскочил на ноги и, схватив арбалет, потрусил в сторону роскошного алого с золотом полога, в самой середине которого зияла дыра, оставленная арбалетным болтом.

– У-и, нет, сын шакала, совсем уходи! Пошел на двор!

Чернокожий вздрогнул, втянул голову в плечи (казалось, будь у него хвост, он бы непременно его поджал) и потащился к выходу.

После того как гигантская понурая фигура исчезла за сомкнувшимися занавесями, венет еще какое-то время бушевал, опрокидывая легкую низкую мебель и пиная подушки. Но мало-помалу его возбуждение улеглось, и он, пару раз пнув здоровой ногой очередную подушку, обессиленно опустился на ковер, а затем и вовсе улегся, уютно устроившись среди мягких подушек в самой середине длинноворсового венетского ковра. Возлегиши, венет еще несколько мгновений сердито хмурился, но затем скорбная складка на верхней части его упитанного лица (которую вряд ли можно было обозвать низменным словом «лоб») разгладилась, веки слегка смежились, превратив гневно блестящие выпученные глазные яблоки в маслянисто поблескивающие оливочки, венет умиротворенно вздохнул и с блаженной улыбкой шумно выпустил газы из предназначенного для этого богами места.

– Исмил, эй, Исмил! Поди сюда.

Занавеси, за которыми минуту назад скрылся изгнанный гигант, распахнулись, и в комнату, семена, влетел карлик с лисьим лицом. Он ловко приземлился на подушки рядом с хозяином таким образом, что тому вполне могло показаться, будто слуга рухнул перед ним на колени, хотя на самом деле приземление было намного более плавным и мягким.

– Слушаю, мой господин!

– Макхум с тобой?

Карлик тут же извлек из-под полы халата объемистую табакерку или, скорее, небольшую шкатулку с закругленными углами. Венет удовлетворенно крикнул, выудил из-за пазухи тонкую цепочку с ключиком, открыл маленький замочек и, запустив внутрь шкатулки свою пухлую длань, старательно набил ноздри мелким серым порошком. Втянув воздух, он на мгновение замер, затем разинул свой немаленький рот и... оглушительно чихнул, одновременно снова выпустив воздух длинной звучной руладой.

– О-о-ф-ф, хор-р-рошо!

Венет вытер рукавом выступившие от удовольствия слезы и, повернувшись к карлику, произнес:

– Воистину, Исмил, макхум есть дар самого Фанера. Если бы не макхум, даже не представляю, как бы я смог выносить тупость людей! Подумать только, я предлагал этому уроду два кошель, туго набитых полновесными золотыми монетами. А он... – Венет возмущенно вздернул бороду и закатил

глаза. — Нет, положительно люди сошли с ума.

Карлик кашлянул:

— Дозволено ли мне будет говорить, о светоч моего сердца?

Венет, собиравшийся сказать что-то еще очень значительное, поморщился и бросил недовольный взгляд на карлика, замершего в униженной позе. Однако в хитрых глазах слуги было нечто такое, что побудило хозяина высокомерно кивнуть:

— Ну!

— Мне кажется, мой господин, — вкрадчиво начал карлик, — нам следует подумать над тем, не стоит ли увеличить размер вознаграждения. Не зря же тот высокочтимый господин, который умолил вас взяться за это нелегкое дело, передал в вашу казну целых пятьдесят кошель золотом. И, насколько я, недостойный, сумел понять его речи, это было всего лишь первым взносом.

Венет нахмурился:

— Какой же ты болван, Исмил! Я как-никак понес страшные убытки, когда бросил свои дела и помчался выполнять просьбу уважаемого Гнерга. Даже сотня кошель с золотом не сможет мне возместить все потери. Лишь из природного добросердечия и уважения к достойному Гнергу я согласился выполнить его просьбу.

Это заявление, мягко говоря, не соответствовало истинному положению дел. Но Исмил прожил рядом с хозяином

достаточно долго, чтобы понимать, что высказывать возражения (тем более *ему*) не имеет смысла.

— К тому же, — продолжал между тем венет, — нет на свете человека, чья жизнь стоила бы больше двух кошель золотых. Даже если это жизнь базиллисы...

Часть I

Черные тени за спиной

1

Сегодня Клунг поднялся еще затемно. Вообще-то он вставал рано всегда. Рабы-хермы, ухаживавшие за священным оазисом, и послушники, отряженные жрецом-распорядителем на скотные работы, частенько могли видеть, как сутулая, долговязая фигура Рта Сха, шаркая ногами, неторопливо ковыляет через темный колодец внутреннего двора, в который еще не проникли скудные лучи восходящего светила. Впрочем, в этом затерянном в песках огромном храме, скорее напоминавшем город, чем отдельное, хотя и очень большое здание, мало кто обращал внимание на что-то, не относящееся к его непосредственным обязанностям. Служение Сха, великому и мудрому Отцу-змее, не терпит суеты (как, впрочем, и нерасторопности тоже). Так что когда кто-то замечал согбенную фигуру в черном балахоне, то просто равнодушно отводил глаза. Все на этом свете одинаково ничтожно пред божественным ликом Сха. Что сам Рот Сха, что последний херм-золотарь. Их жизнь и смерть, страдание и благоденствие в Его руках. Как угадать, кто счастливее –

блистательный фстрат, повелитель богатой провинции, или херм-лопата, если первый каждую ночь ворочается в своей роскошной постели, в страхе прислушиваясь, не раздастся ли под окнами топот копыт гонца, примчавшегося из сердца Хемта – великолепного Фивнесса – с намотанным на руку золоченым витым шнурком-удавкой, а второй, наломавшись за день и набив брюхо пареной перловой крупой с золой вместо соли, спит без задних ног на своей драной подстилке?

Однако обычно ранний подъем Клунга был вызван тем, что его старые кости к утру начинали ныть, словно ощущая и здесь, в самом сердце иссохшей пустыни, неизбежную предутреннюю сырость, бывшую столь привычной в далекие времена его служения в Горном храме. Тот храм был вырублен в скальном массиве под водопадом. Столь необычное расположение было вызвано тем, что храм тот одновременно служил и местом, куда весь год, до прихода каравана из Фивнесса, свозилась добыча из окрестных золотых рудников. Так что сырости там хватало. И, судя по всему, за те пятнадцать лет, что он служил в Горном храме, она успела настолько пропитать все поры его тела, что теперь каждое утро, примерно за час до рассвета, он поднимался и, не вызывая послушника, собственноручно растапливал жаровню. А затем усаживался над углями, придвинув поближе распухшие от артрита колени и улавливая жар растопыренными пальцами.

Но сегодня у Рта Сха была более веская причина поднять-

ся пораньше. Предстоял особенный день. Вчера приехали гости, которых он давно ждал. Они прибыли в храм еще днем, около полудня. Но долгое путешествие через пустыню утомительно даже для человека, привычного к местному климату. Что уж говорить о гостях, прибывших из такого далека. Поэтому Клунг не стал назначать встречу в день прибытия, а послал сообщение, что Рот Сха примет гостей завтра, сразу после утреннего Возглашения Величия. Так что нынешний утренний подъем не имел никакого отношения к ноющим суставам (во всяком случае, Клунгу очень хотелось так думать).

Сегодняшнее утро Рта Сха началось с парной бани. Целый час он сидел в плотном кожаном мешке, в который по длинному медному колену поступал ароматный пар из котла, наполненного ключевой водой, редкими травами, толченым янтарем и серебряными монетами. После парной телом господина занялся толстый евнух с сильными руками. Когда он закончил, преподобный Клунг чувствовал себя словно петрушка в салате. Еще и от того количества оливкового масла, которое евнух-массажист не просто втер, а прямо-таки вбил в его кожу. Затем последовала маска из целебной глины, педикюр и облачение. Уже месяц как было объявлено, что в один из дней Перевала лета Рот Сха лично отслужит одно из Возглашений Величия Сха. Поэтому за глинобитными внешними стенами Храма вот уже полторы луны скапливались паломники. К настоящему моменту в палаточном ла-

гере их уже было более восьми тысяч душ. А вчера утром, когда высланный навстречу гостям разъезд храмовой стражи принес весть, что к полудню гости достигнут пределов Храма, Старшим глашатаем было объявлено, что Рот Сха избрал для личной службы следующее утреннее Возглашение.

Когда Хранитель облачений опустил на чело Клунга массивный золотой обруч с изображением вздыбленного Отца надо лбом, Рот Сха повернулся к полированной бронзовой пластине, вделанной в стену рядом с аркой двери, окинул себя придирчивым взглядом и удовлетворенно кивнул. Парадное облачение Рта Сха весило в общей сложности почти сорок стоунов, и вынести в нем трехчасовую службу было бы нелегкой задачей даже для молодого и здорового человека. Но Клунгу было важно показать гостям, что он еще вполне в силе. Просто высокий пост, для того чтобы вести разговор на равных (а именно так он и собирался вести разговор), в его глазах ничего не значил. Необходимо было и виртуозное владение искусством интриги (без чего, как все понимали, невозможно было подняться до столь высокого поста в иерархии Сха), и достаточное физическое здоровье. Поскольку затеваемая интрига, с одной стороны, должна была занять довольно длительное время, а с другой – иметь крайне ограниченный круг посвященных, обе стороны должны были иметь основания надеяться, что влияние случайностей, связанных со здоровьем этих посвященных, будет сведено к минимуму. И сейчас, после столь длительной и сложной под-

готовки, Клунг чувствовал себя в силах провести утреннее Возглашение таким образом, чтобы у гостей (которые, естественно, были приглашены на службу) не осталось никаких сомнений в его отличных физических кондициях. Жрец еще раз придирчиво окинул взглядом свое отражение и величественно кивнул. Старший распорядитель, уже половину боя переминавшийся с ноги на ногу в проеме двери, торопливо обернулся и махнул церемониальным платком. По этому знаку на хорах Храма гулко заревели рога, а церемониальные служки загремели трещотками, этим божественным звуком возглашая появление пусть и не самого Отца (он-то, наверное, смог бы объявить о себе и без помощи погремушек, вытесанных из благородного нефрита), но уж во всяком случае лица, ближайшего к Нему. Рот Сха выждал еще мгновение и шагнул вперед, совершенно не почувствовав своих больных суставов. Да, пожалуй, несмотря на тщательно культивируемую среди иерархов и послушников легенду о скромности и безыскусности жития Рта Сха стоит подумать над тем, чтобы почаще отдавать свое тело в умелые руки этого евнуха...

Трапезу накрыли в Приделе водяных змей. Гости провели северной колоннадой, а сам Клунг, сбросив тяжелое облачение, к концу службы уже ощутимо клонившее его к земле, и совершив скорое омовение, добрался до Придела по подземной галерее. Он должен был появиться перед гостями уже умытый и по-прежнему свежий, запоздав лишь слегка и продемонстрировав тем самым, что долгая трехчасовая

служба не слишком его утомила.

Когда он неторопливым, но по-молодому упругим (несмотря на гудящие ноги) шагом вошел в Придел, гости еще омывали руки в поднесенных каждому из них золоченых чашах с водой, ароматизированной мускусной эссенцией. Клунг поднял обе руки в традиционном приветствии, характерном для местности, из которой прибыли гости, а те склонили головы, прижав обе ладони к левой стороне груди, как это было принято среди народа Хемта. Клунг помедлил мгновение и заговорил торжественным голосом:

– Я рад, что вы откликнулись на мое приглашение и доставили себе труд совершить столь долгое и многотрудное путешествие, дабы выслушать мои скромные предложения.

Старший из присутствующих согласно наклонил голову.

– Мы счастливы видеть и внимать Рту Сха, известному своей мудростью далеко за пределами Хемта.

Оба едва заметно скривили губы в намеке на улыбку, как бы показывая, что воспринимают эти фразы всего лишь как формальность, пусть и обязательную. После чего Клунг сделал радушный жест в сторону накрытого стола и, сделав шаг вперед, опустил свой сухопарый зад на приготовленное для него место...

Первые полчаса беседа вертелась вокруг довольно безобидных тем. Младший из гостей оказался неплохим знатоком фалеристики. Так что жрец получил немалое удовольствие, подробно обсудив с ним тонкости изменений в изоб-

ражении грифа на нагрудной бляхе горгосского центора от эпохи Гнарга I до падения Горгоса. Впрочем, Клунгу было件нятно, что подобный выбор сопровождающего в первую очередь имел целью показать ему, что, несмотря на тяжкие удары, полученные Орденом от Измененного, его силы и умения отнюдь не утеряны...

Спустя полтора часа, когда гости отдали должное изысканным блюдам и слуги, внеся кувшины с легким вином и подносы со сладостями, наконец оставили их одних, жрец решил, что настало время для серьезного разговора.

– Не соблаговолит ли мой уважаемый гость сообщить мне, что думают в Ордене по поводу Корпусных школ?

Губы старшего из гостей тронула легкая улыбка.

– Мы предполагали, что ваша обеспокоенность вызвана в основном деятельностью Измененного именно в этом направлении. Поэтому я готов со всей ответственностью заявить, что Орден полностью разделяет вашу тревогу. – Гость сделал паузу, многозначительно глядя на собеседника. – Семнадцать лет назад, когда Измененный только разворачивал свою деятельность в этом направлении, мы уже пытались обратить внимание многих на всю опасность его попыток, но нас мало кто послушал. И вот время показало, что наши предостережения имели достаточные основания.

Клунг согласно наклонил голову:

– Да, вы правы. Многие совершили эту ошибку. Я и сам тогда не был склонен придавать слишком большое значение

этому требованию Измененного. Конечно, в то время от меня мало что зависело, но, должен признать, позиция нашего прежнего Верховного, считавшего эту уступку неожиданно легким способом избежать вторжения Корпуса, полностью соответствовала моему пониманию ситуации.

Гость кивнул уважительно-понимающе, как бы показывая, что оценил откровенность собеседника.

– Увы, в то время подобной позиции придерживалось большинство из тех, к кому мы обратились за поддержкой. Но сейчас, я думаю, вам стало более понятно наше стремление ограничить распространение того, что мы называем «грязным знанием».

Клунг с трудом сдержал ехидную усмешку. Ну конечно, вот только если бы Орден еще не присвоил себе право самостоятельно определять, что причислять к «грязному знанию», а что нет. Один из его предшественников на посту Рта Сха был удушен убийцами Ордена именно за покровительство тому, что Орден посчитал «грязным знанием». И если бы те времена благодаря Измененному (вот ведь какой парадокс) не канули в прошлое, никому в Ордене не пришлось бы в голову отправлять в Храм представительную делегацию по первому же зову Клунга. Поэтому жрец не удержался от легкой шпильки:

– Увы, тогда еще мы были не столь полно знакомы с опытом и мудростью Ордена, как, скажем, жрецы Магр...

Гость усмехнулся, показав, что намек понят, а хозяин

между тем продолжал:

– Так вот, сегодня мы вынуждены признать, что предостережения Ордена по поводу Корпусных школ имели под собой все основания. И в настоящее время мы полностью разделяем мнение Ордена, что с этими школами надо что-то делать. – Тут Клунг дал волю эмоциям: – Эти мерзкие гнездовья греха и вольномыслия растлевают неокрепшие детские души, отвращают наследников самых влиятельных родов от веры и благолепия предков, сеют смуту в молодых умах. Ни одно вражеское войско не смогло бы нанести большего вреда нашему народу, чем эти... эти... – Рот Сха задохнулся от возмущения и умолк.

На некоторое время в зале воцарилась напряженная тишина. Рот Сха был занят тем, что приводил в порядок свое возбужденное дыхание и мысли, а гости просто держали паузу. Наконец Клунгу удалось с собой справиться и его лицо вновь приняло невозмутимое выражение. Старший их гостей взял бокал с вином, неторопливо сделал большой глоток и, повернувшись к жрецу, вкрадчиво произнес:

– Что ж, я рад, что теперь наши позиции совпадают. Однако мне бы хотелось услышать, чем, по вашему мнению, Орден может помочь вам в решении столь благородной задачи. По-моему, у высших иерархов Сха есть все необходимые силы и авторитет для того, чтобы полностью выжечь скверну в землях, подвластных руке Сха.

Клунг чуть вздернул верхнюю губу (мысленно кляня себя

за нервный срыв, который изрядно подпортил его реноме в глазах гостей) и степенно ответил:

– Это так. Более того, что касается опасности, которую представляют Корпусные школы для нашего народа, то тут мы единоклубны как никогда. Но, – тут он позволил себе слегка опустить уголки губ в намеке на горестную улыбку, – причина, по которой прежний Верховный жрец согласился с требованиями нечестивого Грона (это имя он произнес так, словно выплюнул), никуда не исчезла. Поэтому, если мы попытаемся очистить нашу землю от этой скверны, последствия сего угодного богам поступка будут ужасающими.

Гость понимающе кивнул. За прошедшее время слава Корпуса достигла самых дальних уголков Ооконы. Его тяжелые мечи и длинные пики успели испытать на прочность щиты армий всех племен и народов, о которых было известно географам Ооконы, да в придачу еще и доброй сотни тех, о существовании которых они прежде и не подозревали. И всем было памятно то, что сделал Корпус с Ситаккой, жители которой, подстрекаемые местными жрецами, разгромили две из трех Корпусных школ, находившихся на острове.

– Что ж, я вполне разделяю ваши опасения. Но мне пока сложно догадаться, каким образом Орден может помочь вам решить эту проблему.

Уголки губ Клунга дернулись в легкой иронической улыбке:

– У Ордена есть возможности это сделать. Достаточно

вспомнить, что в рядах этого нечестивого воинства всего лишь около пятидесяти тысяч копий. И если, скажем, бунты черни, подобные тому, что произошел на Ситакке, вспыхнут сразу в нескольких местах, то у Корпуса просто не хватит сил... — Клунг замолчал, однако его красноречивый взгляд показал старшему из гостей, что он мог бы продолжать, но из уважения к присутствующим ограничился многозначительным молчанием.

Впрочем, продолжение лежало на поверхности. Скоординированные по времени выступления в разных концах Ооконы показали бы Грону, что за всеми этими бунтами торчат уши той могущественной организации, с которой он так долго и в общем-то успешно сражается в этом мире. А значит, основной удар Корпуса пришелся бы по землям, простирающимся далеко от тех, что находятся под благословенной властью Сха.

Губы старшего гостя сложились в ответную улыбку.

— Возможно, вы правы. Хотя Орден и ослаблен преследованиями Измененного, мы все же располагаем достаточными силами, чтобы обеспечить нечто подобное. Но все дело в том, что подобные действия всегда рассматривались нами в качестве одного из этапов более глобального плана, направленного на полную очистку нашего мира от скверны, занесенной Измененным. А мы пока еще не готовы к полному и всеобъемлющему осуществлению этого плана. Так что... — Гость развел руками, словно извиняясь.

Клунг недовольно дернул ногой, правда, еле заметно. Ну естественно, он и не сомневался, что у Ордена существуют планы по поводу того, как вернуть себе бывшее влияние в Ооконе. Но он и не подумает способствовать реализации этих планов. Конечно, терпеть эти богомерзкие Корпусные школы дальше нет совершенно никаких сил, ибо они подрывают самоё основу цивилизации. Но если платой за их разрушение станет восстановление былой власти Ордена, то... он лучше потерпит школы. Потому что в ином случае он будет каждый вечер укладываться на ложе без всякой надежды вновь увидеть рассвет. Поэтому было жизненно необходимо убедить гостей действовать немедленно.

– Возможно, это не самая разумная мысль.

Гость с деланным недоумением вскинул бровь:

– Вы сомневаетесь в мудрости Хранителей Ордена?

На лице Клунга изобразилось сложное выражение, в котором можно было прочесть и сарказм, и сочувствие, и иронию.

– Я ничуть не сомневаюсь в том, что Орден возглавляют ныне весьма достойные люди, но... Мудрость Хранителей (он нарочито выделил эти два слова, поскольку предполагалось, что Рот Сха никоим образом не должен был знать внутреннее название библиотеки Острова) ныне покоится на морском дне... – Клунг мгновение помедлил, стараясь придать своему молчанию максимальную многозначительность. – И... разве тех, кто не покладая рук трудится ради

восстановления величия Ордена, не беспокоит мысль, что Измененный может просто не дать им времени закончить эти труды. Почему бы вам не воспользоваться ситуацией и не принять помощь тех, кто готов стать вашим союзником, уже сейчас, не дожидаясь, пока до Измененного дойдут странные слухи и он решит вновь обрушиться на Орден?

Клунг замолчал и демонстративно принял к кубку с чрезвычайно редким в этих краях дожирским вином. Гость некоторое время сидел, задумчиво глядя перед собой, затем повернулся к увлеченному вином жрецу:

– И вы готовы принять участие в убеждении... нерешительных?

Клунг сурово сжал губы:

– Среди служителей Сха нет нерешительных. А что касается остальных... то до меня дошли слухи, что служители Фанера и его жен тоже озабочены деятельностью Корпусных школ в Венеции. Тамарис тоже на грани волнений. Так что не думаю, чтобы для убеждения имеющих власть в иных местах, еще не подвергнувшимся разлагающему влиянию Измененного настолько глубоко, как Элития, потребовалось бы приложить так уж много усилий.

Гость кивнул:

– Но вы понимаете, что устранение этой скверны будет лишь началом... партии, причем следующий ход сделает Измененный?

Рот Сха мысленно усмехнулся. Похоже, окунь заглотнул

наживку.

– Несомненно... несомненно... Но все дело в том, что никто не собирается оказывать Корпусу серьезного вооруженного сопротивления. Во всяком случае, у нас дело обстоит именно так. Пусть даже Корпус войдет в Сетх. Пусть Измененный потребует репараций. Верховный готов выплатить любые, самые неразумные репарации и даже изрядно уменьшить армию. Это и к лучшему. Когда чернь наконец поймет, кто главный виновник их голода и нищеты, у нас окажется недостаточно сил, чтобы сдержать голодные бунты и оградить учителей вновь отстроенных школ (а я не собираюсь мешать Измененному их отстраивать) и небольшие гарнизоны, оставленные для их защиты, от лавины оголодавших и жаждущих мести простолюдинов. Многие из которых, несомненно, окажутся обученными солдатами, выброшенными из армии после сокращений.

Гость несколько мгновений молчал, размышляя над сказанным, затем восхищенно цокнул языком:

– Воистину мудрость служителей Сха не знает границ. Недаром среди большинства цивилизованных народов Отец-змея является символом разума. Я немедленно доведу до Хранителей ваши мудрые мысли...

На следующее утро гости Рта Сха тронулись в обратный путь. Когда мрачная громада Храма скрылась за волнистой линией горизонта, старший повернулся к своему младшему

товарищу и, скривив губы в насмешливой улыбке, презрительно произнес:

– Теперь ты понял, Играманик, в чем заключается величие Ордена? Мы готовы были выступить еще два года назад. Но тогда мы оказались бы одни, а те, кто сейчас умолял нас стать союзниками, со злорадством наблюдали бы, как Измененный гоняется за остатками Ордена, будто стая гончих за лисой. Так что мы набрались терпения и попытались вложить в головы этих тупоумных прислужников каменных идолов наши собственные мысли... ну, и слегка подтолкнуть Грона к активным действиям. – Он хохотнул. – Нет, ты вспомни, с каким апломбом этот мелкий служка окраинного божка излагал передо мной мои же собственные идеи! – Старший бросил быстрый взгляд через плечо, проверяя, не услышали ли чего подозрительные храмовые стражники, составляющие их охрану и почетный эскорт, и, понизив голос, добавил: – Так что теперь первый удар Измененного обрушится именно на них. А уж мы постараемся этим воспользоваться...

– Команда-а-а, разойдись!

Четкий строй слегка вздрогнул и потерял свою безупречную четкость. И сразу стало видно, что стоящие в строю люди никакие не военные. Одеты они были довольно разношерстно: одни – в короткие туники, другие – в принятые среди горцев Атланта бешметы и жилеты, а кое-кто щеголял в горгосских и венетских нарядах. У большинства за плечами висели туго набитые мешки, когда-то, вероятно, выглядевшие абсолютно одинаковыми, но с тех пор успевшие изрядно пообтрепаться и обрасти разноцветными заплатами и шрамами грубой штопки, а у ног некоторых стояли слегка пооббитые морские рундучки. Впрочем, пока эти люди стояли в строю, вся эта разношерстность совершенно не резала глаз, ее затмевала четкость линий коротко остриженных затылков, вскинутых подбородков и разведенных на строго выверенное расстояние носков.

Хотя отданная команда предписывала разойтись, большинство людей остались на своих местах, только развернулись друг к другу. Кое-где вспыхнул разговор, кто-то достал кисеты с «чихальником», кто-то – фляги. Этих людей связывало слишком многое, чтобы вот так сразу выкинуть последние пять лет своей жизни и разбежаться в разные стороны. Корпус дал им очень многое: силу, уверенность в себе,

гордость, а некоторым и шанс начать жизнь сначала. Недаром в Корпусе было очень много людей, которые после «давильного чана» меняли свои имена на прозвища. Как видно, имена эти стоили того, чтобы их навсегда забыть. Но дело было не только в этом. Корпус... это было что-то особенное, эта была жизнь. Жизнь трудная, наполненная свистом стрел, многосуточными маршами, тяжелой работой, но жизнь, в которой каждый из них мог быть полностью уверен в том, кто с ним рядом, в том, кто стоит с ним спина к спине. Бывший раб или портовый нищий, которые раньше, заслышав свист бича надсмотрщика или топот портовой стражи, тут же спешили забиться в самую узкую щель, моля всех известных богов, чтобы на этот раз беда обрушилась на кого-то другого, только не на него, теперь, спустя пять лет, знали, что есть на свете люди, с которыми они примут все – и бич, и меч врага, и мор... потому что: «Мы заботимся о Корпусе, Корпус заботится о нас».

– Ба-а-а, никак Кремень?

Крепкий невысокий мужчина со слегка кривоватыми ногами и ежиком седоватых волос обернулся на голос:

– А, это ты, Булыжник... Давненько не виделись.

Подошедший ухмыльнулся:

– Да почитай с самого «давильного чана». А ты, я вижу, до сержанта дослужился. – Он показал кивком на пятно на левом плече, своей формой напоминавшее сержантский шеврон. Пятно явственно выделялось своей яркостью на выго-

ревшем фоне.

Тот, кого называли Кремнем, усмехнулся в ответ:

— Ты, я гляжу, тоже. — И он кивнул на точно такое же пятно на левой стороне груди товарища; такое расположение показывало, что обладатель сержантского шеврона служил во флоте. — Ты тоже в этой партии? И как, уже надумал, куда двинуть?

Булыжник вытянул губы трубочкой, отчего его лицо приняло задумчиво-лукавое выражение:

— Кто знает, кто знает... — Он помедлил. — Ты как, все еще со зверем?

Кремень помрачнел и несколько секунд стоял молча, видимо вспоминая что-то неприятное, потом вновь поднял глаза на собеседника:

— И да, и нет. Коготь... его зарубили. Но я выдрессировал щенка из его последнего помета. Его зовут Джуг.

Булыжник удовлетворенно кивнул:

— Я на это надеялся.

Кремень нахмурился, но служба в Корпусе в первую очередь приучает к сдержанности, поэтому он нарочито ленивым движением потянулся к висящему на поясе кисету с размятыми сушеными листьями «чихальника», захватил горсть, неторопливо скатал шарик, засунул в левую ноздрю, втянул воздух, на мгновение замер... и оглушительно чихнул. Бывший сержант Булыжник наблюдал за его манипуляциями с кривой усмешкой.

– Ну что, так и будем стоять? Или все-таки пойдем пропустим по кружечке? – наконец выдавил из себя Кремень.

Булыжник рассмеялся:

– Когда это сержант-ветеран отказывался от доброго поила?

Таверна «Рыбий коготь» ничем не отличалась от таких же таверн, частой сетью облепивших порты и рыночные площади – закопченный потолок, длинные столы с лавками вдоль стен, очаг с вертелом и короткая стойка для тех, кто зашел лишь пропустить стаканчик-другой. Только она была немного почище, лавки и столы были покрыты кое-какой резбой, а стоявшие на стойке стаканы и кружки выглядели (в отличие от большинства таких же заведений, где подобные предметы использовались до тех пор, пока не протирались до дыр) почти новыми. Два ветерана уселись у дальней стены. Не успели они опустить на лавки свои сухопарые зады, как у стойки возникла упитанная служанка с симпатичными ямочками на щеках:

– Что пожелают господа сержанты?

Булыжник довольно хмыкнул:

– Где ты так научилась разбираться в воинских званиях, красавица?

Та польщенно хмыкнула:

– Тоже мне наука. Да в наш порт каждый год приходят маршевые команды уволенных из Корпуса. Да и хозяин наш

тоже из ваших. Так что здесь любому ветерану всегда ставят одну бесплатную кружку солодового хмеля.

Тут Булыжник с размаху засветил себе ладонью по лбу:

– О темная Магр, мне же рассказывали о таверне старого Пагрима. Так ведь зовут вашего хозяина?

– Ну да. – Служанка кивнула.

– В таком случае, красавица, живо зови своего хозяина. Скажи ему, что с ним хочет выпить ветеран с Багровой эскадры.

По-видимому, это название что-то сказала служанке, потому что она тихо ойкнула и тут же исчезла, оставив витать над столом нежный запах лавандового масла. Как видно, она была изрядной чистюлей и тратила не такое уж и большое жалованье на благовония. Кремень хмыкнул. Да-а-а, за те пять лет, что он провел в рядах Корпуса, жизнь на гражданке изрядно переменилась. Если уже и простые служанки могут себе позволить покупать благовония, то сколько добра можно снять с тех, кто побогаче... Но эта мысль прошла как-то краем, просто по инерции, не вызвав ни малейшего желания действовать. Если народец так оброс жирком, значит, популяцию шакалов, каким и он сам был раньше, изрядно проредили. По правде говоря, пять лет назад он запродался (как он тогда считал) корпусному вербовщику именно из-за того, что «волкодавы» стратигария уже дышали ему в спину. От некогда лихой банды, заставлявшей отстегивать дань даже самые большие караваны, следовавшие по Пензалий-

ской дороге, остались лишь жалкие ошметки – все ближайшие соратники либо были в колодках, либо украшали собою придорожные дубы, а он метался между Пензалой и Роулом, мучительно ища щель, в которую можно было бы забиться...

– Значит, это ты с Багровой эскадры, сынок?

Кремень отряхнул воспоминания и повернул голову на голос. К их столу неторопливо подошел мужик, одетый в поношенную, но чисто выстиранную и выглаженную деревянным катком тунику, на которой, к их удивлению, красовался почти новый сержантский шеврон. Кремень удивленно присвистнул:

– Тебя наградили правом носить шеврон?

Мужик усмехнулся:

– Нас всех наградили таким правом... всех, кто выжил тогда...

Кремень замер. Он слышал только об одном случае, когда всех выживших... и мертвых занесли в списки Корпуса «навечно», что автоматически давало право носить знаки различия Корпуса и после увольнения из его рядов. Впрочем, на тех, кто был занесен в списки Корпуса навечно, понятие «увольнение из рядов» не распространялось. Они считались «в бессрочном отпуске», причем все – и живые, и мертвые. Поэтому им продолжали платить денежное содержание (за мертвых его получали вдовы или, если таковых не было в наличии, сиротские приюты), а живых приглашали на присягу и церемонии вручения сержантских шевронов. Кремень

окинул взглядом таверну. Да-а, теперь понятно, как этому ветерану удалось прикупить таверну на таком бойком местечке и так прилично ее обустроить. В Корпусе платили не то чтобы очень щедро, но неплохо, так что и он, Кремень, мог при желании купить себе таверну, но где-нибудь подальше, в мелком порту, куда заходят в основном только рыбацкие посудины, или в не слишком крупном селении на каком-нибудь торговом маршруте. Вот только на большинстве торговых маршрутов ему делать нечего. Его там уже успели запомнить. Накрепко. И если для «волкодавов» стратигария он теперь уважаемый ветеран Корпуса, то для большинства тех, с кем он встречался в прежние времена и кто знает его под старым именем, он по-прежнему грязный бандит и убийца...

– Значит, ты один из Сорока бойцов?

Голос Булыжника отвлек Кремня от размышлений. Хозяин таверны опустил на стол три кружки с солодовым хмелем, которые принес, пододвинул две из них гостям, а третью поднес ко рту и сделал звучный глоток.

– Слушай, а мне всегда было интересно, как там у вас было на самом деле? Похоже на то, как рассказывают?

Хозяин шумно вздохнул и сделал еще один глоток.

– И да, и нет. Я, честно говоря, и не помню. Когда нас подняли по тревоге, нам никто ничего не объяснил. Ни сколько там будет этих тварей, ни как далеко нам идти. Впрочем, если честно, никто из нас об этом и не спрашивал. Лейте-

нант сказал, что вансаны захватили шестерых наших и собираются посадить их на кол. А то, что этих вансанов было больше шести сотен, мы узнали только после боя. А тогда... мы просто торопились. Очень торопились. И все-таки опоздали... Так что когда мы вышибли ворота и увидели наших ребят, корчащихся на кольях, и измазанные их кровью рожки тех тварей... мне уже было некогда считать, сколько их там. – Он хмыкнул. – Когда мы наконец добрались до ворот, я думал, что сейчас упаду и больше не смогу пошевелить даже пальцем...

Булыжник понимающе кивнул:

– Ну еще бы, вы прошли за сутки почти пять десятков миль...

– Так вот, когда я увидел ребят... откуда только силы взялись. Говорят, лейтенант погиб одним из первых. Поймал арбалетный болт еще в воротах. Может быть. Стреляли они густо. Когда я очухался, во мне самом торчало три штуки, вот здесь, здесь и здесь. – Хозяин задрал рукав, оттянул ворот и задрал полу туники, показывая шрамы. – Но там уже не надо было никем командовать. Да и невозможно. Мы просто взбесились...

И он поднял кружку. Оба гостя стукнули о нее своими, и все трое молча выпили. Этот молчаливый тост имел свое название: «За тех, кого с нами больше нет». По традиции он был третьим по счету. А четвертый звучал так: «За то, чтобы за нас не пили третий». Хозяин крякнул и, чуть повернув

голову, крикнул:

– Лаиса! Неси еще солодового... и свинину с овощами тоже.

Когда на столе перед ними появилось большое блюдо с кусками тушеной свинины и овощами, а их кружки вновь наполнились хмельным напитком, старый сержант повернулся к Булыжнику:

– Так ты, сынок, с Багровой эскадры?

Тот кивнул:

– Да.

– Меня зовут Пагрим. Я когда-то ходил на самой «Росомахе».

– Меня зовут... Булыжник, а это Кремень. Мы с ним вместе проходили «давяльный чан» в Западном бастионе.

Хозяин таверны понимающе кивнул и, прищурившись, заметил:

– Судя по именам, вы в свое время изрядно погуляли на караванных путях. Ну да ладно. Не мне вас судить. Я и сам когда-то... – Он хмыкнул и, подняв кружку, провозгласил: – За Корпус, ребята! За то, что он дает шанс любому. И да будут прокляты те, кто не сумеет им воспользоваться.

Булыжник и Кремень незаметно переглянулись. Они слышали, что нет более страстных ревнителей славы Корпуса, чем старые сержанты-ветераны. Сказать по правде, Кремень и сам чувствовал в себе что-то такое. Недаром его охватило омерзение, когда в одном из поселений вольных бондов,

в котором они остановились на ночлег во время дальнего рейда, он стал свидетелем публичной порки. Многие ветераны, после увольнения сбившись в команды, уходили дальше в степь и основывали там новые поселения. Корпус поощрял подобную практику, бесплатно снабжая их так называемым набором поселенца со всяким необходимым добром, начиная от плотницкого и земледельческого инструмента, отрезов материи и одежды и кончая семенами, а также покупая на венецких и хемтских рынках рабынь и поставляя их в подобные поселения в качестве домохозяек. Кроме того, Корпус охотно выделял людей для конвоирования караванов, перевозивших товары, заказанные поселенцами и закупленные для них купцами. Рабыни чаще всего не особо долго носили ошейники, через какие-то полгода становясь полноправными хозяйками свежестроенных домов, а потом и матерями многочисленных семейств. Весь быт таких поселений очень сильно напоминал распорядок дня приграничных фортов. Впрочем, это было объяснимо. Эти поселения частенько становились объектом налетов незамиранных кочевников. Да и сами поселенцы не оставались в долгу, частенько сбиваясь в ватаги и пощипывая незамиранных. Как правило, основным объектом охоты во время подобных рейдов становились скот и женщины... Привезенных рабынь на всех не хватало, и недостаток жен восполнялся таким вот образом. Жены из пленниц получались ничуть не хуже, чем из рабынь. Так вот, один из поселенцев из только что при-

бывшей партии, выполняя обязанности пастуха, умудрился продать часть скота какому-то кочевью. Когда его проступок стал известен, Совет командиров приговорил виновного к полусотне плетей, лишению имени и... запрету взять женщину в дом в течение года. «Пока, – как гласил приговор, – Совет не убедится, что преступник сможет воспитать своих будущих детей как сыновей и дочерей ветерана Корпуса, а не как ублюдков безымянного преступника». Но больше всего его поразила формулировка преступления. Преступник был наказан не за обман, не за мошенничество, не за нанесение ущерба имуществу других, а за... «небрежение честью Корпуса». Эти люди готовы были простить многое, но Корпус, по их твердому мнению, должен был остаться незапятнанным. Хотя, так же как и Корпус, они оказались способны дать человеку второй шанс. И сейчас хозяин таверны намекнул им об этом же...

– А ты на каком корабле ходил?

Булыжник пожал плечами:

– Да так, на разных. Я вообще-то из «мокрой команды».

Пагрим удивленно вскинул брови:

– Так ведь вас же не... кха... – Он оборвал сам себя, покосился на Кремня и сменил тему: – Ну и как там теперь?

Кремень сделал вид, что не заметил едва не случившейся обмолвки, но решил держать ушки на макушке. То, что Булыжник не так прост, каким хочет казаться, он понял еще во время «давильного чана». Тот появился в их десятке че-

рез два дня после того, как сержанты учебки начали их дрессировку. И Кремню еще тогда показалось, что все то, чем они занимались, для Булыжника просто семечки. И право на имя он получил третьим в десятке только потому, что по каким-то своим, одному ему известным причинам не захотел сделать этого раньше. Его интерес к своей персоне Кремень тоже почувствовал сразу и поначалу инстинктивно попытался не подпустить его к себе. Но тот оказался достаточно настойчивым и дружелюбным, чтобы преодолеть настороженность Кремня, и к концу «давильного чана» они сошлись довольно крепко. Кремень даже размышлял над тем, как бы им попасть в одно подразделение. Но судьба не дала им такого шанса. И, судя по всему, Булыжнику повезло оказаться в одной из тайных команд Корпуса, о которых в линейных частях ходили кое-какие слухи. Вот только, по слухам, на эти команды не распространялся пятилетний ценз службы, и что Булыжник делает в составе команды уволенных – не совсем понятно...

Спустя час, когда таверна начала заполняться народом и хозяин покинул гостей, Булыжник, только что смачно обсавший мозговую косточку, повернулся к приятелю:

– Ну так что, какие у тебя планы?

Кремень оторвался от свиной лопатки, которую как раз тщательно освобождал от мяса, усмехнулся и ответил:

– Ну, судя по тому, как тебе понравилось, что я по-прежнему с псом, наверное, мне стоит сначала выслушать твои

предложения.

Булыжник рассмеялся:

– Ай да Кремень! Не зря, не зря я сразу подумал о тебе.

Кремень продолжал невозмутимо обгрызать лопатку. Что толку спрашивать, когда это Булыжник о нем подумал. Раз разговор начался – сам все расскажет. Булыжник отложил кость, вытер руки тряпкой, сделал еще один глоток из кружки, поставил ее на стол и задумчиво произнес:

– Хочешь остаться в Корпусе?

Зубы Кремня, только что сомкнувшиеся на хряще, замерли, не закончив движения. Кремень пару мгновений неподвижно сидел, переваривая сказанное. Корпус давал право любому вступить в свои ряды только на пять лет. На ПЯТЬ лет! Дольше в рядах Корпуса служили только офицеры. Но для того чтобы стать офицером Корпуса, нужно было не только стать достойным рубакой и доказать свою преданность. Требовалось иметь достаточно гибкие мозги, хорошую память и... темные боги, желание стать этим самым офицером. А Кремень, при всем своем уважении к тем, кто ими командовал (вот умора-то, скажи ему кто, что он начнет испытывать уважение к офицерам), не испытывал особого желания вешать себе на плечи офицерские шнуры. Впрочем, были еще люди, которые числились служащими Корпуса, но они не имели никакого отношения к военным. И о том, чтобы занять место в их рядах, Кремню нечего было и думать. Это были учителя Корпусных школ.

– В каком качестве?

Булыжник довольно потрянул головой, подцепил еще один кусок свинины, плавающий в уже застывающем жире между тушеных овощей, и, бросив на Кремня хитроватый взгляд, ответил:

– В том же самом. Сержантом боевого подразделения. – Он сделал короткую паузу и добавил почти тем же, и все же несколько иным тоном: – Правда, об этом будем знать только ты, я и еще несколько человек. В том числе сам Командор. А для всех остальных ты будешь считаться уволенным, как и все остальные из нашего призыва.

Кремень отложил остатки лопатки, тщательно вытер пальцы, сгреб кружку, сделал глоток, чтобы освежить внезапно пересохшее горло, и, повернувшись к Булыжнику, твердо произнес:

– Да.

Грон стоял у окна и смотрел вниз на двух юношей, азартно фехтующих на малой арене. Их тела блестели от пота, а глаза возбужденно сияли. Похоже, они были почти равны по мастерству, поэтому ни один из фехтовальщиков пока не выказывал явного преимущества. Мечи звенели, воздух шумно вырывался из разинутых ртов, но тонкая вязь колющих и рубящих ударов, блоков и хитрых захватов ткалась над ареной все с той же скоростью. Наконец один из фехтовальщиков сильным ударом заставил соперника попятиться и на мгновение потерять равновесие, отчего тот был вынужден отбросить руку с мечом далеко в сторону. Фехтовальщик радостно вскрикнул и, сделав выпад, попытался зафиксировать победный укол. Но его вроде бы уже выведенный из строя соперник внезапно вскинул другую руку, оканчивающуюся причудливым металлическим крюком-захватом, и, поймав лезвие меча атакующего, отклонил его в сторону, одновременно с этим молниеносно зафиксировав укол собственным мечом. Обманутый досадливо зарычал:

– Эй, Югор, так нечестно!

Победитель, уже выпустивший меч соперника, на мгновение замер, потом медленно вскинул собственный меч и, направив острие на соперника, негромко произнес:

– Не стоит сомневаться в моей чести, Бирак.

Что-то было в его тоне такое, что заставило проигравшего поспешно пояснить:

– Я не имел в виду ничего плохого, Югор, просто... у меня ведь нет такой руки.

– А у меня есть, – ответил победитель, легкой улыбкой давая понять, что извинения приняты, – но ты об этом забыл. И это означает, что твой проигрыш закономерен. Впрочем, если ты считаешь, что такая рука всегда является преимуществом, сходи на конюшню и попроси, чтобы тебе тоже оттяпали кисть. А я договорюсь с кузнецом, чтобы тебе сделали такой же крюк. Клянусь, это не будет стоить тебе ни единого медяка.

Бирак рассмеялся:

– У тебя всегда была склонность к мрачноватому юмору, Югор. Но все-таки я не понимаю, почему ты никогда не участвуешь в первенстве Академии. Если уж ты выиграл у меня, то как минимум можешь рассчитывать на ленту одного из призеров.

Югор пожал плечами:

– Зачем?

– Ну... как? Разве ты не хочешь стать лучшим?

Югор растянул губы в легкой усмешке и, подхватив сумку с полотенцем и ножны с тяжелым фехтовальным мечом, двинулся в сторону душевой, на ходу бросив:

– А разве я уже не лучший? Я ведь выиграл у чемпиона.

– Да, но... это, по большому счету, ни о чем не говорит.

Победить одного, даже если он чемпион, не так уж сложно. И Трай, и Кунар, да и большинство других фехтуют совсем не хуже меня. Чемпионат именно потому и нужен, чтобы научиться концентрироваться в течение всего времени его проведения, преодолевать усталость, раздражение, возбуждение от только что выигранной схватки или злость от проигрыша. А один бой...

Югор остановился в дверях и снова усмехнулся:

– Интересно, а что бы ты сказал, если бы проиграл я? – И он нырнул в душевую. Бирак бросился следом за ним, и из душевой тут же донесся его возмущенный голос.

Грон покачал головой. Да, пожалуй, командиры и обучающие в Академии знают свое дело очень неплохо. Он повернулся и пошел к лестнице, ведущей на верхнюю галерею, кольцом охватывающую купол Академии.

Галерея встретила его зябким ветерком, тут же взъерошившим отросшие волосы и разметавшим полы теплого шерстяного плаща. Грон поежился. «Старею», – подумал он и, упершись взглядом в отчетливо видимые в чистом горном воздухе горные пики, погрузился в воспоминания.

Он появился в этом мире около сорока лет назад. Казимир Янович Пушкевич, полковник НКВД в отставке, известный спецслужбам вероятного противника по агентурной кличке Клыки, после трагической гибели в схватке с бандитами попал в этот мир. Его сознание и память оказались в теле недоразвитого мальчугана, прибившегося к шайке портовых во-

ров, промышлявших в порту острова Тамарис. Первое время он и не думал о том, чтобы стать кем-то большим, чем обеспеченный обыватель. Риска и борьбы он по горло нахлебался еще в своем мире. Однако, как оказалось, этот мир контролировала таинственная организация, название которой он перевел как Орден. Эта организация обладала такими технологиями, которые были необычны не только для этого мира, но и для намного более развитой цивилизации Земли.

Среди прочего она умела засекать факт переноса сознания. Поэтому за Измененным, так Орден называл тех, кто подвергся переносу разума, началась настоящая охота. Сначала его спасло то, что, умея засекать факт переноса, Орден не мог точно определять, какой конкретно человек подвергся переносу. Поэтому уничтожению подвергались все, кто находился в ареале действия Стража, оповещающего о переносе. Позже, убедившись в том, что многие из внезапно обрушившихся на него бед вызваны не просто жестокостью этого мира, а чьей-то злой волей (причем примирение невозможно), Грон (его новое тело лучше всего отзывалось на это имя, которое носил мальчик, с чьим сознанием слилось его собственное) вступил с Орденом в войну. Сначала казалось, что у него нет никаких шансов, что Орден, по чьему слову приходили в движение огромные армии и снимались с места народы, не только раздавит самого Грона, но и зальет кровью и выжжет самую землю, по которой он ходил. Но Грон создал Корпус. И Корпус сокрушил Орден. Полтора десятка

лет назад центральная резиденция Ордена – Остров – была уничтожена адским пламенем, а самое могучее государство этого мира Горгос, полностью находившееся под контролем Ордена, было стерто с лица земли. И все решили, что наконец-то наступил мир. Но, как оказалось, все не так просто, не так просто...

Гагригд ждал его в своем кабинете:

– Ну и как тебе?

– Семьдесят пять.

– Что семьдесят пять? – не понял Гагригд.

Грон усмехнулся. Ну откуда Гагригду знать анекдот о штурмане и связи?

– Да так, ерунда. Новое здание Академии, конечно, впечатляет. У тебя здесь в два раза больше площадей, чем было в старом.

Гагригд кивнул:

– Это верно. И наконец-то появился зимний манеж. Так что теперь твои идеи по поводу обучения в Академии сыновей правителей разных народов Ооконы вполне осуществимы.

Грон кивнул в ответ и, мгновение подумав, спросил:

– Как, ты говоришь, зовут архитектора?

– Старинкей, сын раба-венета из пленных, тех, что Сиборн взял еще во время Первой войны с Орденом.

– Раба?

– Ну, рабом он пробыл недолго, папаша оказался непло-

хим каменотесом, и Второй, Шестой и Двенадцатый пограничные форты как раз его работа. А сынок выдался в папу и попал в Университет. И уж там его заметил Улмир.

Грон кивнул:

– У Улмира нюх на таланты. – Он помолчал. – А как мой?

Гагригд задумчиво потер переносицу.

– Не знаю я, Грон, – честно признался он, – в общем-то хорошо, но... Югор частенько ставит меня в тупик. Как и ты в свое время. В нем как-то странно сочетаются жестокость и милосердие, открытость и недоверчивость, сострадание и равнодушие.

Грон вздохнул:

– Он и меня ставит в тупик. Черт возьми, я, который считал, что могу понять и оценить любого и приспособить к делу его достоинства, более-менее отодвинув на задний план его недостатки, не могу разобраться в собственном сыне.

Гагригд усмехнулся:

– Тут мы с тобой в равном положении. И знаешь, что я тебе скажу. Все дело в том, что остальных мы оцениваем достаточно спокойно и по возможности беспристрастно, а вот на собственных детей мы смотрим сквозь линзу любви и надежды. Ведь мы вкладываем в них все свои нереализованные надежды и мечты.

Грон вздохнул:

– Наверное, ты прав, но вот Толла общается с ним с какой-то спокойной уверенностью, а я иногда теряюсь, то рычу

не по делу, то, наоборот, молчу, когда стоило бы рывкнуть.

Гагригд понимающе кивнул:

– Это понятно. Но, могу дать руку на отсечение, матери он может и не послушаться, а вот для того, чтобы заслужить твою одобрительную улыбку, парень готов лбом прошибить крепостную стену...

Они помолчали. Гагригд поднял взгляд на Грона и печально усмехнулся:

– Знаешь, что мне сказал мой?

Грон молча пожал плечами.

– Вы, старшие, уничтожили всех, кто мог бы бросить вызов Корпусу, и теперь нам никогда не завоевать своей славы. Мы навсегда обречены быть вашими бледными тенями.

Грон растянул губы в горькой усмешке:

– Пусть не боится. Он даже не представляет, сколько работы им еще предстоит.

Гагригд несколько мгновений молча обдумывал слова Грона.

– Так ты думаешь, что эти покушения... – нерешительно заговорил он, запнулся, не осмеливаясь говорить дальше о том, о чем Грон, как он сам ясно дал понять, говорить не желает, и скомкал фразу: – ...и скоро все начнется по новой?

Грон кивнул:

– Да. Мы были очень наивными, когда посчитали, что полностью уничтожили Орден.

– То есть? Насколько мне известно, за покушениями на

тебя стоят жрецы, недовольные деятельностью Корпусных школ. И потом Остров...

Грон криво усмехнулся:

– Да нет, с Островом покончено. Но подумай, разве мог бы Орден контролировать развитие цивилизации на целой планете на протяжении пятидесяти циклов протяженностью в тысячу с небольшим лет каждый, если бы все его силы располагались в регионе, занимающем от силы одну двенадцатую часть пригодной для проживания суши? Например, в моем мире известно два параллельно развивающихся центра цивилизации, расположенные на двух концах одного и того же материка. А кто знает, сколько их было всего? Так что я уверен, что существует как минимум еще один центр силы. А может, их гораздо больше. И разбираться с ними, скорее всего, придется именно нашим детям. – Он немного помолчал, улыбаясь своим мыслям, и заговорил снова: – Орден опять переиграл сам себя. Мне как-то не очень верится, что неодолимое желание покончить со мной руками наемных убийц, вдруг охватившее жрецов Венетии, Хемта, Тамариса и других, появилось в их головах без посторонней помощи. Как-то уж слишком одновременно это произошло. Так что вполне возможно, несмотря на все улики, жрецы имеют к этим покушениям не столь уж непосредственное отношение, как кажется большинству из нас.

Гагригд некоторое время сидел молча, потом встал с кресла и подошел к широкому окну высотой в рост человека. По-

явление окон таких размеров стало возможным лишь после того, как стекольные мануфактуры Корпуса освоили производство плоского стекла больших размеров. Но для массового использования оно было пока слишком дорого.

– Знаешь, я последнее время стал задумываться над тем, что с нами случилось. Мы вознеслись на самую вершину нашего мира, сокрушили могущественных врагов, но... я часто ловлю себя на том, что, наверное, был бы гораздо счастливее, если бы все это сделал кто-то другой, а все те бури, через которые я прошел, пронеслись бы мимо меня...

Грон задумчиво кивнул:

– Ты прав, мне тоже частенько так кажется, но, понимаешь, мы с тобой из той породы людей, которые на вопрос: «Если не я, то кто?» всегда дают абсолютно однозначный ответ. – Он тяжело вздохнул. – Ну да ладно, мне пора собираться.

Гагригд повернулся к Грону:

– А почему ты решил собирать Совет командиров в той долине?

Грон усмехнулся:

– Просто... это будет не совсем обычный Совет. И мне хочется заложить традицию.

– Какую?

Грон прошелся по кабинету, остановился у двери и, привалившись плечом к косяку, окинул Гагригда безмятежным взглядом:

– Я думаю, ты все узнаешь на Совете.

И начальник Академии понял, что продолжать расспросы бесполезно. Поэтому он лишь едва заметно пожал плечами и сменил тему.

– Уезжаешь завтра?

– Да, на рассвете. – Лицо Грона озарила мягкая улыбка. – Толла, наверное, ужасно соскучилась. Мы не виделись почти пять месяцев.

Гагригд усмехнулся:

– Вот-вот, и я о том же, а представь, как здорово было бы, если бы ты жил в небольшой усадьбе где-нибудь под Роулом, в домике, окруженном фруктовым садом, всего с парой слуг и гувернером?

Улыбка на лице Грона стала насмешливой.

– И самой большой моей заботой была бы заготовка ковлиевого варенья по осени и подрезка претутковника... – И оба рассмеялись, представив эту нелепую картину...

Грон выехал из ворот, когда верхушки самых высоких пиков только-только окрасились розовым. На этот раз его эскаорт был почти в два раза больше, чем обычно. Хмурая Бука шла плавной иноходью, похрустывая инеем, за ночь покрывшим землю тонким ажурным кружевом. Через два часа, когда уже совсем рассвело, они подъехали к первой башне гелиографа. Телеграфист в полной форме торчал навывтяжку у двери, встречая своего Командора. Грон остановил лошадь:

– Как дела, сержант?

Седой как лунь телеграфист расплылся в счастливой улыбке. Ну как же, его помнит сам Командор. Хотя, если честно, это было не совсем так. Просто Грон знал, что большинство телеграфистов – ветераны Корпуса. Он сам поощрял такую практику.

– Все отлично, мой Командор! Техника в исправности, последнее сообщение передал час назад. Сменщик уехал в крепость за провиантом.

Грон кивнул:

– Спасибо за службу, старина. – Грон тронул лошадь.

Он знал, что вот такая короткая остановка, пара как бы случайно брошенных слов рожают и поддерживают легенду о Великом Гроне, знающем и помнящем всех и вся и никогда не делающем ошибок. И хотя лично ему это было не очень-то и нужно, армия, безгранично верящая в своего полководца, становится намного сильнее, часто превращая его ошибки в гениальные находки. Как, скажем, произошло в битве у Совиных Ворот, когда он счел, что им не прорваться через практически непреодолимый заслон горгосцев и их единственный шанс – это, оставив заградительный отряд и бросив лошадей, попытаться уйти через ледники. А Корпус, тогда еще называвшийся Дивизией, просто разметал заслон, порвав на холодец втрое превосходящие силы, которые к тому же занимали подготовленные для обороны укрепления...

К исходу луны они добрались до Роула. На ферме все

было нормально. После смерти Врена всем здесь заправлял Сторм, сам уже совершенно седой и слегка сгорбившийся. Впрочем, основные заботы лежали на его детях и внуках, каковых насчитывалось уже добрых два десятка. Но Сторм, которому принадлежала треть фермы, был достаточно обеспечен, чтобы дать каждому из них достойное образование, а троим, делавшим в гимнасиуме большие успехи, оплатить учебу в Университете. Так что на самой ферме жило не более десятка потомков Сторма, притом некоторые из них уже имели и собственные семьи.

Вечером Грон со Стормом сидели на лавочке и смотрели на звездное небо.

– ...жизнь стала другой, – тяжело вздыхая, говорил Сторм. – Люди мотаются по свету, как перья. Я помню, когда отец после смерти матери ушел с нами из деревни на плато, все считали его не совсем в себе. А теперь двое моих сыновей живут в Эллоре, дочь замужем за торговцем из Саора, а трое внуков обучились в Роуле и теперь служат учителями в Корпусных школах в Хемте, Атланторе и на Тамарисе. И никто не считает это чем-то необычным.

Грон кивнул:

– Ты прав, Сторм, сегодня все меняется намного быстрее, чем раньше. И я сам не знаю, хорошо это или плохо. Люди стали жить богаче, многие беды ушли, но им на смену пришли другие. И так будет всегда, даже когда человек научится летать как птица или плавать как рыба.

Сторм немного помолчал, потом повернулся к Грону:

– А тогда зачем все это?

Грон несколько мгновений молча смотрел перед собой невидящим взглядом, вздохнул так же тяжело, как и Сторм, и ответил:

– У нас не было другого выхода.

– Но почему все это продолжается? Творец мертв, Орден уничтожен, Горгос повержен, а ты снова мучаешь наш мир новым знанием. Зачем? Неужели нельзя остановиться?

Грон усмехнулся:

– Даже если бы все это было правдой, мы все равно не смогли бы остановиться. Человек живет ради будущего, своего, детей, внуков. И он всегда будет стараться обезопасить это будущее. Но каждый раз, когда ему будет казаться, что еще чуть-чуть, еще один рывок, и можно успокоиться, отныне он самый сильный и самый умный, и больше можно не напрягаться, тут же откуда ни возьмись вылезает новая угроза. Если не Творец с его Катаклизмом, значит, неведомый народ со страшным оружием, пришедший из-за океана, или несколько уродов с праведным гневом в глазах, готовые разнести на куски и себя, и еще кучу народу вокруг, а то и огромная гора, рухнувшая с неба. Так что мы обречены всегда быть наготове и платить своими жизнями и жизнями наших детей за то, чтобы оно всегда существовало, это будущее. А знания как-никак дают возможность платить... несколько меньше. Разменивать не один на одного, а,

скажем, одного к трем или к десяти. Так что я просто даю своим... нашим потомкам шанс немного вырваться вперед, обогнать ту, неведомую угрозу. – Грон горько усмехнулся. – Причем еще не факт, что они сумеют им воспользоваться, успеют научиться тому, как отвратить угрозу. Но тут уж от меня ничего не зависит.

Сторм несколько минут размышлял над тем, что услышал, затем осторожно поинтересовался:

– А почему ты сказал – *если бы* это было правдой? Разве это не правда?

Грон вздохнул:

– И да, и нет. Остров действительно уничтожен, и Горгос тоже повержен, но... Орден жив. И как обстоит дело с Творцом, я тоже не знаю. Вполне возможно, что остатки Ордена сумеют как-то помочь ему возродиться. Патрульные униремы, которые Гамгор регулярно отправляет к остаткам Острова, уже несколько раз встречали там следы пребывания людей. Причем это явно не какие-нибудь глупые паломники. Эти люди из всех сил стараются скрыть следы своего пребывания на Острове. И если бы в составе команд были следопыты похуже, то, вполне возможно, им это и удалось бы. – Грон замолчал и, прищурившись, посмотрел на Сторма. – А ты и сам изменился, Сторм. Раньше тебя не очень-то волновали такие вопросы.

Старик вздохнул:

– Понимаешь, тут многие знают, что когда ты возвраща-

ешься с севера, то всегда заглядываешь на свою старую ферму. И этой зимой ко мне кое-кто приходил, просили дать знать, когда ты объявишься. Вели разные разговоры... Я, конечно, сразу же послал своего младшенького в Роул, к одному из твоих лейтенантов, но он что-то долгонько собирался. Они приходили ко мне трижды, прежде чем он взял их в оборот. Причем приходило ко мне двое, а лейтенант нагреб аж дюжину. Говорят, у них были арбалеты с отравленными стрелами. И зачем? Всем же известно, что яды на тебя не действуют.

Грон понимающе кивнул и усмехнулся:

– Ясно, значит, ты людей тех отправил куда надо, а сомнения остались?

Сторм неловко поежился:

– Да уж... очень они складно говорили.

Оба умолкли. Молчание нарушил Грон.

– А знаешь, вполне возможно, что правы именно они, а не я, или истина лежит где-то посередине, – задумчиво сказал он. – Я ведь тоже привношу в этот мир не все знание, которое мог бы. Но... вся моя жизнь научила меня, что, если ты вляпался в какое-нибудь дерьмо, мучиться сомнениями – последнее дело. Иди вперед и делай то, что считаешь должным, а уж там как получится... – Он замолчал, бросил последний взгляд на купол неба и поднялся.

– Ладно, пошли спать, а то, чуеет мое сердце, скоро наступят такие времена, когда я начну жалеть о каждой минуте,

которую мог бы отдать сну, но не сделал этого.

– ...и это рыбье дерьмо все, что ты сумел насобирать?

Худой чернявый нищий с лицом, изуродованным ударом обсиданового ножа, зло уставился на Кремня. Сержант спокойно выдержал злобный взгляд и, изобразив подобие насмешливой улыбки, смиренно ответил:

– Да, старшой.

Чернявый зло взрыкнул:

– И зачем Убожно навязал мне на шею это убожество? Да у меня любой пацан или старуха собирают за день в три раза больше, чем ты.

И на этот раз голос сержанта был тих и смиренен:

– Я знаю, старшой.

Чернявый раздраженно сморщился, но, как видно, предупреждение, которое Кремень сделал чернявому две луны назад, все еще сохраняло свою убедительность, потому что нищий толькодохнул сквозь злобно стиснутые зубы и кивком головы отпустил сержанта. Кремень все так же смиренно поклонился и отошел к дальней галерее, где располагался его десяток. В принципе он мог бы и ничего не приносить, поскольку это был последний день их пребывания в этой крысиной норе.

Они прибыли на «ночной двор» Эллора почти две луны назад. Сначала их всех собрали в Одиннадцатом форте, о

котором уже давно ходили всякие странные слухи. Кто говорил, что в нем хранится золото Корпуса и поэтому внутри этого форта устроен специальный лабиринт с жуткими тварями, которых приручил сам Грон, когда ходил внутрь Проклятого острова. Другие рассказывали, что его строители были умерщвлены сразу после завершения работ по страшному степному обряду безногим рабом, бывшим тасожским колдуном из рода Черной змеи, а их изуродованные останки замуровали в стены. Но сам Кремень больше склонялся к версии, что этот форт облюбовали «ночные кошки». Отсюда и вся эта чертовщина с пугающими нечеловеческими воплями и воем, ночными шабашами и иной необъяснимой дребеденью, что регулярно творилась рядом с Одиннадцатым фортом. За время службы он три раза ходил в конвое, сопровождавшем обозы, которые следовали в Одиннадцатый форт. И все три раза конвой доводил обоз до широкой поляны, где повозки с таинственным грузом, плотно укрытые грубым некрашеным полотном, окружали молчаливые фигуры, затянутые в черные и синие комбинезоны «ночных кошек», и на этом работа конвоя считалась законченной. Так что дорога до форта была ему знакома. И когда повозка, которой управлял весело балагурящий и горланящий песни Булыжник, свернула с Восточной рокады на узкую, неприметную дорогу, которая, несмотря на свою крайне скромную ширину, была идеально отсыпана щебнем и лёссо-земляной подушкой, поверх каковой была высеяна тщательно отсор-

тированная травяная смесь, Кремень сразу понял, куда они едут.

В форт прибыли перед самым закатом. Когда повозка со слегка поутихшим Булыжником на облучке миновала знакомую поляну, Кремень влез на козлы и уселся рядом с возницей. Джуг, дремавший в соломе, вскинул морду, но, увидев, что хозяин просто переменил дислокацию, вновь опустил морду на лапы и смежил веки. Такая мелочь, как птичий гомон, боевого пса совершенно не интересовала. Булыжник бросил на присоединившегося к нему Кремня понимающе-насмешливый взгляд:

– Интересуешься?

Кремень молча кивнул.

– Командоровых тварей опасаясь?

Кремень скорчил рожу, по которой сразу можно было установить направление, в котором он видал этих тварей, и еще пуще завертел головой, с любопытством оглядываясь. Вокруг все казалось совершенно мирным. То есть окружающий лес спокойным назвать было нельзя. По обеим сторонам дороги всюду трещала, верещала и заливалась разнообразная пернатая сволочь, в глубине сумрачных лесных прогалин то и дело мелькали рыжие беличьи тела, а где-то впереди с громким треском продирался через бурелом кабан. Внезапно до Кремня дошло, что живности вокруг как-то многовато. Уж какой глухой ни выглядела эта дорога, все же не так далеко, в паре лиг впереди стоял гарнизон числом не менее

нескольких сот рыл. И можно было дать голову на отсечение, что эти рыла активно шляются по этому лесу. А значит, все это лесное зверье и пернатые суматошники, по идее, давно должны были выбрать себе для проживания местечко поспокойнее, а их тут было едва ли не больше, чем в самой глухой чащобе. Он озадаченно нахмурился, пытаясь понять, в чем тут секрет. Булыжник некоторое время с усмешкой наблюдал за его потугами, потом спросил:

– Удивляешься, откуда здесь столько птиц?

Кремень неопределенно пожал плечами. Булыжник натянул вожжи, остановил повозку и, соскочив на землю, подошел к ближайшему дереву.

– Вот, смотри. – Он откинул большую ветку и, поманив к себе Кремня, указал куда-то наверх.

Кремень задрал голову и удивленно присвистнул. Вверху, на высоте трех или четырех человеческих ростов, к стволу была примотана конструкция, в которой он с некоторым трудом опознал обыкновенную птичью кормушку.

– И зачем это? Летом в лесу птицам и так еды от пуза.

– Эта кормушка не столько для кормежки, сколько для того, чтобы привязать птиц к нужному месту. Птицы – отличные сторожа и достаточно сообразительны, чтобы отличать тех, кто насыпает им корм, от всех остальных. Как ты наглядно убедился на нашем примере, секреты охранения могут не только услышать, что по дороге или, скажем, через лес следуют какие-то чужаки, но и, используя птичий гомон, издали

отслеживать скорость и направление перемещения.

Кремень усмехнулся:

– Хитро придумали. Да тут часовому можно спать в секрете. Такой шум мертвого подымет.

Булыжник усмехнулся в ответ:

– Все не так просто, старина. В линиях птичьей охраны есть довольно большие промежутки. Иногда ведь надо кое-кого, наоборот, провести в форт так, чтобы ни одна живая душа не догадалась, что кто-то прошел. Так что большинство секретов перекрывает именно те тропы, а охрана вдоль дороги выставляется в основном в случае резкого осложнения обстановки.

Кремень кивнул, пару минут подумал и осторожно спросил:

– А почему ты все это мне рассказываешь?

Булыжник беззаботно пожал плечами:

– А что?

– Мне казалось, что все это тайны Корпуса.

Булыжник усмехнулся:

– Да, ты прав, вот только это те тайны Корпуса, которые отныне придется беречь и тебе тоже. И это еще не самые большие из тайн, которые тебе предстоит беречь.

Об этом Кремень уже и сам догадался. Поэтому он с непроницаемым лицом перебрался обратно на повозку и, завалившись на спину, уставился в темнеющее небо, спрашивая себя: а стоило ли ему вляпываться во все это дерьмо?

Впрочем, сейчас вопрос был уже чисто риторическим. Кремень был уверен, что если бы даже он сейчас соскочил с повозки и попытался дернуть в лес, то не успел бы сделать и десятка шагов, как у него между лопаток выросло бы новое украшение в виде черенка арбалетного болта. Джуг повернул морду, лизнул хозяина в ухо и снова отвернулся. В этот момент дорога сделала поворот, и повозка выкатилась из леса на вырубку, в дальнем конце которой возвышалась укрытая вытянувшимися предзакатными тенями мрачная громада Одиннадцатого форта.

В форте они провели почти три луны. Кремень всегда считал себя неплохим бойцом. Даже до того, как вступил в Корпус. Для того чтобы держать в руках буйную вольницу «лихих», нужно постоянно подтверждать, что ты самый сильный и злой пес во всей своре. И сам Корпус тоже немало добавил к его воинскому умению. Именно тогда он понял, что позволяет сотне «длинных пик» практически без потерь порвать на холодец пятеро и более многочисленного противника. Превосходство в вооружении и тактике, всесторонняя индивидуальная подготовка и железная дисциплина – вот что. Однако именно здесь, в Одиннадцатом форте, он понял, почему на бойцов специальных подразделений не распространяется ограничение одного пятилетнего контракта. Таких бойцов нельзя было выпускать в Оокону без жесткой и короткой узды Корпуса. Ибо все его воинское искусство по сравнению с тем, что умели «ночные кошки», теперь ка-

залось ему детской игрой. И он был полностью согласен с теми, кто считал, что Одиннадцатый форт населен жуткими тварями. Вот только эти твари имели по две руки и ходили на двух ногах.

Впрочем, Булыжник был настроен более скептически:

– Да, все эти штуки, конечно, впечатляют, но арбалетному болту по большому счету глубоко плевать, умеешь ты карабкаться по абсолютно гладкой стене или бегать бегом по натянутой веревке. А что касается всех этих метательных колец, чакр и сюрикенов... то хотел бы я посмотреть, как эти ребятки подберутся на расстояние броска к парню из «мокрой команды» со старым добрым «пружинником» в руке.

Но занимался он охотно. И дела у него шли гораздо веселее, чем у Кремня.

Однажды вечером, когда уже подходила к концу третья луна их пребывания в Одиннадцатом форте, ворота распахнулись и внутрь въехала кавалькада из пары дюжин всадников. Они с Булыжником как раз успели набить брюхо вечерней пайкой, которая была не в пример обильнее и разнообразнее обычного довольствия, каковое Кремень и так при всем желании не рискнул бы назвать скудным. Впрочем, при таких нагрузках они все равно перед каждым приемом пищи испытывали легкое чувство голода. Когда ворота форта распахнулись и первый из всадников показался в проеме ворот, Булыжник, пялившийся из-под ладони на ворота, внезапно тихо присвистнул. Кремень повернул голову.

– Что?

За последнее время они уже привыкли переговариваться друг с другом односложными словами, условными знаками или сигналами. Булыжник цыкнул, продолжая напряженно вглядываться в гостей. Когда за последним из прибывших закрылись тяжелые ворота, он отнял руку ото лба и, повернувшись к Кремню, коротко произнес:

– Финиш!

Кремень чуть вскинул брови, показывая, что желал бы получить разъяснения. Булыжник понимающе усмехнулся:

– Первый – капитан Слуи.

Да, если в форте появился сам Черный Капитан, это действительно означало финиш. Кремень нахмурился и несколько мгновений переваривал информацию, потом спросил:

– Остальные?

Булыжник пожал плечами и то ли ответил, то ли спросил:

– Небось такие же, как мы?..

На следующий день занятия отменили. До обеда они приводили в порядок оружие и снаряжение, если это можно было так назвать (Кремень диву давался тому, как вроде совершенно безобидные предметы в умелых руках внезапно оказывались убийственно смертоносными), а сразу после него их пригласили в Зал собраний форта.

Когда они вошли в помещение, там уже находились начальник форта, несколько бойцов из состава гарнизона и все

прибывшие вчера вечером. Капитан Слу́й сидел чуть в стороне, как раз напротив дверей, и, как только они возникли на пороге, Кремень почувствовал, как в него воткнулся жесткий, цепкий взгляд. Но он сделал вид, что ничего не заметил.

Спустя минуту после того как двери были плотно закрыты, начальник гарнизона, испросив взглядом разрешения у Черного Капитана, негромко подал команду:

– Господа офицеры!

Офицеров среди присутствующих было едва ли четверть, но по традиции считалось, что любой сержант спецподразделения обладает статусом офицера. Это выражалось и в их «бессрочном» контракте, и в том, что их нормы обеспечения всеми видами довольствия полностью соответствовали офицерским. Капитан Слу́й приподнялся с легкого кресла и, чуть кивнув головой, так же негромко произнес:

– Господа офицеры... – И после короткой паузы: – Прошу садиться.

Кремень мысленно усмехнулся. Если бы подобная команда подавалась где-нибудь на совещании, пусть даже офицерского состава, но линейных подразделений, то она была бы произнесена так, что у соседей подававшего команду еще с минуту звенело бы в ушах. А здесь все негромко, с некой демонстративной мягкостью. Дескать, «мы, конечно, члены Корпуса и соблюдаем всю эту уставную дребедень, но не обращаем на нее особого внимания». Однако в следующее мгновение ему стало не до размышлений по поводу нюан-

сов поведения. Черный Капитан выпрямился во весь рост и оперся руками о спинку креслица, на котором прежде сидел.

— Господа, настал тот день, которого вы так долго ждали... — Он окинул взглядом присутствующих, и Кремню показалось, что уголки его рта слегка приподнялись в легкой улыбке. Впрочем, через мгновение он уже готов был поклясться, что это ему почудилось. А Черный Капитан продолжал: — Всех вас отобрали из числа обычных бойцов линейных подразделений, уволенных из рядов Корпуса по окончании стандартного пятилетнего контракта. Это было сделано неспроста. По нашим предположениям, те, кому мы противостоим, располагают возможностями следить за перемещениями наших подразделений. Вот почему, хотя для выполнения предстоящих задач мы вполне могли бы использовать уже имеющиеся в составе Корпуса подразделения, нам пришлось отказаться от этого и предложить возобновить сотрудничество с Корпусом вам. — Капитан помолчал, переводя внимательный взгляд с одного лица на другое.

— Некоторые из вас проходят подготовку уже в течение двух лет, большинство были отобраны из состава прошлых команд уволенных, а некоторым пришлось довольствоваться подготовкой всего в течение нескольких лун. Правда, из последних команд мы постарались отобрать людей, уже имеющих опыт самостоятельных действий, пусть даже, так сказать, не на нашей стороне. И, судя по последним докладам инструкторов, они сумели даже за столь короткое время по-

казать вполне удовлетворительные результаты.

Черный Капитан умолк и уставился прямо на Кремня, которому показалось, что ему со всего размаха засветили веслом по затылку. Он никогда особо не верил разговорам о «втором шансе», во всяком случае в отношении себя. То есть всякую мелкую шушеру типа рыночных воров и ночных грабителей, конечно, могли простить или, вернее, «не заметить», но у него самого на руках было столько крови, что он был совершенно уверен в том, что, если бы кто из офицеров узнал, кто он такой на самом деле, его ждала бы прямая дорога на колесование. Поскольку на его совести были не только жирные купцы и тупые сисстархи мелких городишек, но и несколько членов Корпуса, среди которых было даже два офицера. А такого Корпус не прощал никому. Собственно, все его трудности как раз и начались в тот момент, когда он напал на Корпус. Смешно, но тогда он считал, что поймал свою самую большую в жизни удачу. Потому что когда с неприметной, но крепкой повозки был откинут еще склизкий от крови бойцов Корпуса полог, ему в лицо ударил жирный блеск золотых брусков. А потом начался ад... И вот оказалось, что все это время в Корпусе знали, кто он такой! Между тем капитан Слуй заговорил снова:

– Так вот, сегодня вы наконец узнаете, для чего вас так упорно готовили. – Он повернулся к стене, задернутой тяжелым пологом-занавесью (Кремня всякий раз, когда он бывал в этом зале, мучило любопытство, что же там, за этим поло-

гом), и одним движением отдернул его. За пологом оказалась белая оштукатуренная стена, покрытая множеством линий и значков. До Кремня не сразу дошло, что это карта. За время службы в Корпусе он имел дело с множеством карт, да и сам овладел неплохими навыками картографии. Его десяток получал раз двадцать задание откартографировать заданный район или разведать обнаруженную тропу, что в обязательном порядке предусматривало изготовление кроков. Но эта карта была совершенно другой. Такую Кремень видел только один раз, когда, еще во время прохождения «давильного чана», к ним в десяток пришел офицер-обучитель Академии. Он начал урок с того, что вежливо поздоровался и (страшно подумать) предложил десятку присесть. Безымянные (как называли всех, проходящих «давильный чан»), привыкшие к оглушительному реву сержантов и к тому, что все, даже отправление естественных надобностей, им теперь необходимо научиться делать не только стоя, но еще и на бегу, пару мгновений оторопело пялились на мужчину в легком поддоспешнике с капитанским эполетом на левом плече, а потом осторожно опустили на землю. Офицер благодарно кивнул и таким же мягким, занудным голосом принялся рассказывать о картографии, видах карт и способах их вычерчивания. Через пару минут большинство бывших бродяг, фермеров, беглых рабов и воров, уже начавших было задумываться, действительно ли контракт с Корпусом стал их спасением или это просто один из наиболее изощренных способов на-

казания, впало в некое остекленение, которое часто охватывает страшно недосыпающего человека в тот момент, когда ему монотонно бормочут о чем-то совершенно неинтересном. Но Кремень успел уловить холодную льдистость взгляда этого внешне такого мягкого и вежливого (особенно по сравнению с сержантами учебного полка) человека. Поэтому он изо всех сил боролся со сном и вслушивался в монотонный голос.

— ...я бы хотел, чтобы вот тот молодой человек в серой тунике повторил все, что я только что сказал.

Кремень готов был поклясться, что в тот момент, когда офицер-обучитель произносил эти слова, ни его голос, ни интонация совершенно не изменились. Только страшный шрам, располозовавший ему левую щеку, слегка потемнел. Произнеся эту фразу, офицер замолчал и уставился на совершенно другого бойца. Десяток очнулся от оцепенения и уставился на того, на кого был устремлен офицерский взгляд. Офицер молча подождал секунды две, нарочито ленивым движением завел руку за спину и, произнеся:

— Я попросил повторить все, что я рассказал... вас! — резким движением выбросил вперед руку с внезапно появившимся в ней боевым бичом в сторону того самого бойца в серой тунике, к которому обращался, но на которого в это мгновение не смотрел вовсе. Боец, абсолютно не ожидавший нападения, взревел от боли и опрокинулся на спину. Но это ему не помогло. Следующий удар рассек ему губу, очередной

располосовал кожу на животе, затем он лишился глаза, а потом рухнул на землю, зажимая руками место, где у мужчины обычно находятся гениталии. Завершающим ударом офицер разрубил ему кадык, и надсадный рев убиваемого тут же перешел в kloкочущий хрип. Офицер отбросил конец бича назад, пару раз щелкнул им, отряхивая от крови и кусочков приставшей плоти, потом одним легким движением кисти скатал его в кольцо и повесил на крюк, прикрепив к поясу сзади, откуда он его и извлек. За спинами десятка раздался рев сержанта:

– Эй, третий, восьмой, отволоките эту пад...

– Не стоит, сержант. – Голос офицера был все так же тих, вежлив и монотонен. – До конца занятий у нас остался всего лишь один колокол, так что не будем терять время. Труп уберете потом. – Он повернулся к десятку, снова впадшему в оцепенение, на сей раз от скорой и жестокой расправы, и спокойно произнес: – Итак, рассмотрим преимущества проекции обучителя Кларма для карт особо мелкого масштаба. – С этими словами он развернул карту, которая очень напоминала ту, что сейчас была изображена на стене...

Капитан Слуи посмотрел на присутствующих:

– Как вы уже, вероятно, поняли, это – карта Ооконы, известной нам части мира. Кроме многого другого на ней отмечены все Корпусные школы, расположенные за пределами Атланта, Элитии и Новых земель (так назывались земли на севере, на которых утвердились поселения свободных бон-

дов и ветеранов Корпуса). И у нас есть основания полагать, что вскоре все эти школы подвергнутся скоординированной атаке.

Черный Капитан замолчал и прошелся вдоль стены с картой, давая всем возможность как следует разглядеть рисунок. Да уж, там было обозначено гораздо больше, чем Корпусные школы. Кремень насчитал все двенадцать пограничных фортов, отыскал линии аж трех строящихся, рокады в Новых землях, заметил, что рядом с Герленом и другими базами флота мелом выведено число кораблей, базирующихся на них. От жадного разглядывания карты его оторвал голос Служа:

– Так вот. Уровень координации действий и силы, задействованные для подготовки этого нападения, позволяют предположить, что за этим стоит извечный враг Корпуса – Орден.

В зале прошелестел изумленный вздох. Орден – жив?! Это было страшной новостью. Служ несколько мгновений наблюдал за удивленно напрягшимися лицами.

– Да, – сухо сказал он. – Как оказалось, Орден гораздо сильнее и изощреннее, чем мы думали. За прошедшие годы он сумел оправиться от удара и вновь пытается нанести вред Великому Грону и Корпусу. И Корпусные школы всего лишь первый рубеж, по которому они хотят ударить. Но мы хотим, чтобы этот удар не только не достиг цели, но и в процессе его отражения мы смогли бы захватить кое-кого, кто был бы

осведомлен о дальнейших планах Ордена.

Кремень понимающе кивнул. Что ж, все ясно. Сказать по правде, он не очень-то понял, с какой стати предпринимать такие усилия для защиты этих Корпусных школ. Поскольку, по его мнению, все, что в них было от Корпуса, – это только название. Сами школы располагались за пределами гарнизонов, а часто и вообще в местах, где не было никаких гарнизонов. И хотя обучение в них было обязательным для всех бойцов Корпуса на протяжении пяти лет службы, никто не воспринимал их персонал как своих. Поскольку ни обслуга, ни большинство учителей не имели к Корпусу никакого отношения. Они не проходили «давильного чана». Так что подавляющее большинство бойцов относилось к Корпусным школам как к некой причуде Великого Грона, которую такому человеку вполне можно простить.

– Вы замените всю обслугу этих школ. А некоторые, те, кто на это способен, заменят и часть учителей. И в тот момент, когда враг атакует школы в полной уверенности, что ему предстоит славная резня беззащитных учителей... – Тут Черный Капитан сделал паузу и усмехнулся. Всем стало ясно, что он имеет в виду. И это им всем понравилось. Но капитан Слуй тут же стер улыбку с лица и заговорил жестким тоном: – По нашим сведениям, в качестве основной ударной силы они собираются использовать городскую чернь. Поэтому, прежде чем вы разъедетесь по назначенным вам школам, вам предстоит еще пройти... скажем так, стажировку на

«ночном дворе» Эллора. Вы должны хорошо изучить повадки ваших будущих противников, их условные знаки, сигналы, психологию, слабые места. Ваша стажировка будет продолжаться не более двух лун. Постарайтесь использовать это время по максимуму. Потому что мне не нужна ваша победа любой ценой. Мне нужна «самая дешевая победа»!

И все поняли, что инструктаж закончен. Ибо этой фразой заканчивались все инструктажи в любом подразделении Корпуса.

Часовой, скукожившийся под набухшим от дождя плащом, настороженно встрепнулся и высунул из-под полы короткий пружинный морской арбалет, зло блеснувший в сумраке непогоды острием болта. В этот момент чавкающий звук, который как раз и привлек его внимание, повторился еще раз. На этот раз гораздо ближе, чем раньше. Часовой с облегчением вздохнул. Если бы к посту приближался недруг, он вряд ли подарил бы часовому возможность второй раз услышать свое приближение. А если это даже и недруг, то такой, который не заслуживает особого внимания. И когда звук раздался еще раз, часовой окончательно успокоился и опустил взведенный арбалет, одновременно выпустив из рта сигнальный свисток. Спустя мгновение из-за поворота тропы появилась согбенная шуплая фигура, почти полностью скрывшаяся под огромной вязанкой хвороста. Этого низкорослого аборигена часовой уже встречал. Этот тип был здесь чем-то вроде слуги и ключника. Часовой ухмыльнулся (вот чудак, ну кто собирает хворост в такую погоду?) и беззлобно проворчал:

– И чего ты шастаешь? Мозгов не хватило подождать, пока дождь не кончится?

Тщедушная фигура на мгновение замерла, попытавшись разогнуться и получше рассмотреть того, кто тут собирает-

ся его учить, но огромная (для столь невеликого тела) масса хвороста отклонилась назад, и щуплому носильщику, чтобы восстановить равновесие, пришлось тут же отчаянно качнуться вперед всем телом. Поэтому он только ругнулся и, пошатываясь, засеменял дальше по направлению к приземистому хлевоподобному строению, которое было единственным капитальным сооружением на всем плато. Часовой тихонько хохотнул – уж больно потешно было наблюдать, как этот дохляк пытается одновременно двигаться и ругаться, – и, поплотнее закутавшись в плащ, вновь повернулся в сторону тропы, ведущей вниз, в ущелье. В конце концов у него своя работа...

В принципе никто толком не знал, почему Грон решил собрать Совет командиров здесь, на этом забытом всеми богами плато в глухой горной местности между Роулом и Джирской долиной. Среди тех, кто был посвящен в сам факт внезапного созыва Совета, ходили самые невероятные слухи, но никто не знал ничего конкретного. Бойцы из подразделений, выделенных для охраны, затерзали вопросами сержантов «ночных кошек», из числа которых Грон традиционно набирал конвойные десятки, но те либо по привычке отмалчивались, либо отвечали, что сами ни хрена не понимают. Но заявляли они это с таким наглым видом, что все пришли к выводу: проклятые «кошаки» все-таки что-то знают. Правда, похоже, пытаться их об этом бесполезно.

Командиры начали съезжаться на плато еще луну назад. Первыми прибыли флотские, которые тут же застолбили для себя самый живописный уголок в конце долины, рядом с небольшим озерком. Чуть погодя прибыли продубленные зимними степными ветрами полковники, командиры строевых полков, два дня назад съехались генералы, а сегодня в обед прибыл и сам Грон...

Грон сидел у камина, протянув ноги к огню. Комнатка была маленькой, и камин занимал большую ее часть. Еще в комнатке был большой сундук, на котором была устроена лежанка, стол со стоящим на нем массивным подсвечником, полка, заваленная свитками, и кресло, в котором как раз и сидел Грон. На лежанке валялась пара изрядно потертых медвежьих шкур, еще одна шкура занавешивала входную дверь, а вторая дверь, более массивная и, судя по цвету плах, прорубленная гораздо позже, чем входная, не была завешена ничем. Огонь в камине уже почти потух, и только редкие дрожащие язычки, лениво облизывавшие лиловые угли, бросали на лицо сидящего багровые отблески. Грон не отрываясь смотрел на огонь. В этот момент входная дверь со скрипом распахнулась и в комнатушку, откинув медвежью шкуру, с шумом ввалился ее хозяин, щуплый мужичонка.

Грон окинул вошедшего ироническим взглядом, наклонился вперед, взял кочергу и, пошуровав ею, другой рукой подкинул в камин пару полешков. Огню это понравилось, и он, с минуту потужась, загорелся веселее.

– Ну как, много насобирал?

Мужичок разинул рот, собираясь, судя по всему, произнести что-то сердитое, но... чихнул. Как видно, подобное развитие ситуации ему крайне не понравилось, потому что он сердито насупил, молча скинул насквозь промокший плащ и, с трудом дотянувшись до деревянной перекладки сушилки, укрепленной на стене у левой стенки камина, натянул на нее плащ. И только после этого сварливо проворчал:

– Почему твои сержанты такие зануды?

Грон усмехнулся:

– Прости, но это основной критерий, по которому я отбираю сержантов. Понимаешь, сержант может быть умным или глупым, сильным или слабым, храбрым или трусливым – это уж как повезет, но он должен быть абсолютным занудой. Иначе это не сержант, а... недоразумение.

– Надо же, а я-то считал, что у тебя в Корпусе не так уж много слабых, тупых и трусливых. Во всяком случае, гораздо меньше, чем в армии венецкого царя или Верховного жреца Хемта.

Грон кивнул:

– Да, это так. Но только потому, что я выбираю самых сильных, толковых и смелых зануд. Не зануда не может стать хорошим сержантом. Бойцом – возможно, офицером – не исключено, певцом, ученым, архитектором – вполне вероятно, но сержантом... – Грон замолчал. Хозяин комнаты совершенно не ожидал столь подробного развития этой темы, и

потому речь гостя слегка выбила его из колеи. Он задумчиво потерся щекой о плечо и, наклонившись над камином, протянул к огню озябшие ладони. Постояв так несколько минут, он тихо заговорил:

– Ты умеешь очень хорошо управлять людьми, Грон, как это говорят, дергать их за ниточки... лучше всех, кого я знал в своей жизни. И я не вижу ни одного, кто мог бы тебя заменить... Ты твердо решил уйти?

Грон повернул голову и посмотрел в лицо собеседнику, которое в причудливой игре бликов было похоже на ритуальную маску какого-нибудь черного колдуна диких народов, по слухам обитающих далеко на юге Хемта.

– Да.

Его собеседник поежился и, хотя разгоревшийся камин дышал жаром, поплотнее закутался в накидку, скрывавшую его тщедушное тело от подбородка до самых пяток.

– Я не понимаю... Ты всегда был для меня загадкой, Грон. Ты мог бы завоевать весь мир... Как военной силе Корпусу до сих пор нет равных. А уж после уничтожения Горгоса у тебя в руках была армия, способная пройти сквозь всю Ооко-ну, как горячий нож сквозь масло. Все, все лежали бы у твоих ног – и венеты, и Хемт, и остальные страны и народы... Почему?

Грон пожал плечами:

– А зачем? Вот твой Орден когда-то добился всего того, что ты предлагаешь мне. И что?

– Они властвовали над этим миром пятьдесят тысяч лет! Во вселенной не было владык могущественнее, чем они.

Грон усмехнулся:

– А сами при этом были слугами безмозглого устройства типа колодезного ворота.

Его собеседник, когда-то носивший имя брата Эвера из Тамариса, досадливо дернулся:

– Я уже слышал это твою тупую аналогию.

Грон ухмыльнулся:

– Согласен, аналогия не слишком изящная. Все дело в том, что она правильная. Понимаешь, несмотря на все наши беседы, ты все еще продолжаешь считать, что Творец всего лишь некий посредник между Посвященными и богами. А это не так...

– Чушь! Ну как ты не понимаешь? Хранитель Творца не раз обращался к нему за советом либо предсказанием, и Творец всегда, понимаешь, всегда оказывался прав.

– И в моем случае тоже?

– Да! Представь себе. Вспомни Книгу Мира Тридцать третьей Эпохи! Он еще семнадцать Эпох назад предсказал, что появится Измененный, который сможет временно прервать череду Эпох. Но в этом предсказании было сказано, что спустя некоторое время Орден сумеет вновь вернуть ситуацию под свой контроль.

Грон поморщился:

– Слушай, ты же сам заметил, что эта приписка сделана

совершенно другими чернилами и явно другой рукой. Так что, скорее всего, она была сделана позже. Каким-нибудь дальновидным Хранителем. Для того чтобы у грядущих поколений Посвященных не возникло сомнений в незыблемости существующего порядка.

– Но даже если это и так, все равно ты не сможешь отрицать, что Творец предвидел твое появление!

Грон вздохнул:

– О боги, ну сколько тебе можно объяснять, что даже в мое время существовали механизмы и устройства, способные одновременно хранить, обрабатывать и выдавать объем информации, равный, скажем, десятку тысяч книг, и при этом основным своим предназначением они имели рутинную работу типа той, что исполняет писец или раб, зажигающий свечи. Они назывались компьютерами, и в моем мире их было как грязи. А Творца явно создал кто-то более знающий, чем самые крутые умники из моего времени. И чтобы сделать такое предсказание, достаточно только заложить в него возможность статистической обработки материала. В моем мире один шутник доказал, что если... м-м, тупому и безграмотному рабу дать перо и предоставить бесконечное количество времени, то рано или поздно он напишет все философские трактаты, которые только смогли напридумывать мудрецы. Это – статистика. – Грон на мгновение замолчал и добавил убедительным тоном: – Поверь, Я – был в контакте с Творцом и точно знаю, что это всего лишь тупой исполни-

тельный механизм.

В комнате воцарилась напряженная тишина, которую нарушил тот, кого когда-то звали Эвером.

– Тогда почему ты все-таки не стал владыкой мира? – тихо спросил он.

Грон ответил не сразу. Он снова пошуровал кочергой, подкинул в камин еще пару поленьев, откинулся на кресло, жалобно заскрипевшее под его тяжестью, и лишь после этого повернулся к собеседнику:

– Понимаешь, я никогда не испытывал желания, как бы это сказать, забраться на самую вершину. Для этого надо быть человеком совершенно особого склада, основным отличительным признаком которого является непомерное властолюбие. А я всегда считал таких убогими. Если бы Орден не пытался с таким маниакальным упорством отделить мою голову от тела, я бы, скорее всего, прожил тихую, спокойную жизнь торговца лошадьми и мирно кончил бы свои дни в собственной постели в кругу семьи.

Карлик скептически скривил губы, явно собираясь возразить, но Грон не дал ему открыть рот:

– Да нет, не надо меня ловить. У меня действительно довольно много власти. Но ее ровно столько, сколько мне надо для того, чтобы я мог делать то, что считаю нужным. И... довольно.

Его собеседник поджал губы.

– Распространять «грязное знание»?

Грон усмехнулся:

– И это тоже. Но это, как ты его называешь, «грязное знание» не самоцель, а всего лишь средство. В частности, для того чтобы удержать ту толику власти, которая мне нужна.

Карлик хмыкнул:

– Толику?

Грон никак не отреагировал на выпад, поэтому его собеседник продолжил:

– Для того чтобы удержать твою толику власти, тебе достаточно было бы всего лишь прекратить увольнять бойцов из Корпуса по окончании пятилетнего срока их службы.

Грон покачал головой:

– Ты совершаешь общую ошибку.

– То есть?

– Ты продолжаешь воспринимать Корпус всего лишь как мощную военную силу.

– А это не так?

– Совершенно не так. – Грон покачал головой, словно колеблясь, стоит ли продолжать эту тему, но ему было известно, что сидевший напротив него человек вот уже десять лет как пишет новую Книгу мира. Книгу мира этой Эпохи, ставшей самой длительной Эпохой за все время существования этого мира.

– Понимаешь, я никогда не разделял мистически-дебил-ного отвращения Ордена к любому новому знанию. В конце концов этот подход Орден и погубил. Вы торчали на са-

мой большой технологической вершине этого мира, умея то, что всем остальным казалось чудом, и считали свое положение незыблемым. Но тут пришел некто, у которого оказались свои технологии, другие, но, как оказалось, вполне адекватные вашим, и... результат известен. Но я вполне принимаю постулат о том, что знание может быть опасным. При чем любое, в том числе и «дозволенное». Если окажется в поганных руках. И Орден этому самое яркое подтверждение. Поэтому я постарался принять меры для того, чтобы в Ооко-не появились люди, которым можно доверить это самое знание. – Грон глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. – Корпус, несомненно являясь мощной военной силой, давно уже не является только ею. Вернее, он никогда только ею и не являлся. Иначе зачем я заставляю бойцов учиться чтению, письму и счету и таскаться в школу все пять лет службы? По сути дела, за последние десять лет Корпус сам превратился в огромную школу. Или скорее в кузницу. Где выковываются новые люди. Те, кто, как я надеюсь, сумеет не только воспринять новые знания, но и правильно ими воспользоваться. Именно в этом и состоит предназначение Корпуса. А то воинское соединение, которое называют Корпусом... Ничто не вечно. Рано или поздно Корпус падет так же, как пал и Орден. Придет новый враг, более сильный, обладающий лучшим оружием или более многочисленный. А может, переродится сам Корпус и его генералы передерутся между собой. Но те, кого воспитал мой Корпус, останутся. И то,

что я и Корпус вкладываем в них сейчас – представления о чести, о достоинстве, о том, что должно делать настоящему мужчине, как правильно жить и правильно умереть, – станет, да нет, уже стало образом жизни многих. И это сохранится в их семьях, станет уже семейной традицией. А это значит, что настоящий, мой, Корпус не исчезнет. Несмотря на то что, возможно, когда-то в будущем это название кто-то будет произносить с ненавистью и отвращением. И это самое драгоценное наследство, которое я могу оставить своим детям. – Грон замолчал, уставившись на огонь. Карлик некоторое время молчал, изумленно глядя на своего собеседника, потом тихо произнес:

– Ты снова удивил меня, Великий Грон. Я никогда не заглядывал так далеко.

Грон вздохнул:

– Вот поэтому я и ухожу с поста Командора...

Карлик подождал немного, не последует ли разъяснений, но его собеседник молчал, поэтому он заговорил сам:

– Но я не вижу в этом смысла. Разве не более разумно было бы вести *твой* Корпус верной дорогой до самой твоей смерти?

Грон криво усмехнулся:

– И ввергнуть его в свару после? Корпусу надо выстроить систему преемственности высшего командования. И устранить или хотя бы изрядно затруднить будущие попытки избавиться от «обузы» в виде Корпусных школ.

– Именно поэтому ты и выбрал для себя должность инспектора Корпусных школ?

Грон хмыкнул:

– Ну... не совсем только из-за этого. Просто твои бывшие друзья оказались гораздо более многочисленными, чем мы раньше предполагали. И, по-видимому, те экземпляры Книг мира, которые попали нам в руки, были отнюдь не единственными. И во всех копиях точно те же фразы насчет меня и возрождения Творца, которые ты тут цитировал. Так что я прогнозирую новую вспышку борьбы с «грязным знанием».

Карлик понимающе ухмыльнулся:

– И ты опять решил размять косточки?

На серьезном лице Грона не дрогнул ни один мускул.

– Не только, – сказал он. – Я решил принять меры, чтобы предотвратить тот крайне маловероятный случай, что обе половины этой написанной разным почерком фразы окажутся одинаково верными...

Грон въехал в Эллор поздно вечером. Причем снова, как и много лет назад, с приключениями. Он, как обычно, оставил конвойный десяток на последней перед Эллором заставе, изрядно разросшейся за последние годы и представлявшей собой теперь целую деревню или, вернее, торговый поселок. Над поселком возвышалась громада башни базовой станции гелиографа с тремя полными сменами сигнальщиков. Именно здесь сходились аж пять линий гелиосвязи, самая протяженная из которых начиналась от Герлена. В поселок Грон прибыл в обед. Комендант, уже вторую четверть специально загонявший на верхнюю площадку дополнительный наряд сигнальщиков, дабы не пропустить давно ожидаемого прибытия Великого Грона, встретил его еще в воротах и, браво доложившись (что вкупе с его солидным брюшком смотрелось довольно потешно), сопроводил важного гостя в свой кабинет.

Грон на правах старшего уселся в уютное, слегка продавленное комендантское кресло (и как это так получается, что кресла становятся уютными, лишь когда хоть немного продавливаются) и принялся расспрашивать хозяина кабинета о последних новостях. У дородного коменданта был не слишком бравый и боевой вид, свидетельствовавший о подверженности греху чревоугодия и лени, но при всем при этом

он обладал одним ценным качеством. Он хорошо умел слушать и запоминать. И Грон держал его на этом посту именно потому, что, обладая финансовыми и кадровыми возможностями, которые не шли ни в какое сравнение с теми, что имел Слуй, он тем не менее умудрялся выдавать на-гора совершенно невероятный объем информации. Грон даже как-то однажды, улучив момент, спросил у слегка захмелевшего коменданта:

– И как ты все это разузнал?

Тот хитровато прищурился и махнул нетвердой рукой.

– Да ничего... такого странного... У нас, почитай, по три каравана зараз на ночевку становятся. Ну, я купцов и караванщиков к себе на ужин... Благодаря вам, мой Командор, у меня всегда отменное дожирское... Так что языки у купцов развязываются быстро... Кое-какие новости матушка Туменья (так звали вдовушку, что вела хозяйство коменданта) с рынка принесет. Пока купцы у меня потчуются, их люди по нашему рынку шляются и тоже языки чешут. А еще почтовые гонцы у меня частенько свежих лошадей меняют... Вот я и слушаю, что люди говорят. А потом... – комендант сделал замысловатое движение пальцами и хлопнул себя по лбу, – вот сюда все укладываю. И оно тут варится-парится... – Коменданту подумалось вдруг, что он уж больно расхвастался и, глупо хихикнув, он покраснел и смешался. – То есть... мой Командор... я это...

И Грон, чтобы его не смущать, быстро перевел разговор

на другое...

Но на этот раз комендант явно был чем-то обеспокоен. Он плотно притворил дверь своего кабинета и замер у стола, переминаясь с ноги на ногу. Грон усмехнулся. Он приблизительно знал, какие новости собирается поведать ему комендант:

– Садитесь, уважаемый...

Комендант рухнул на гостевое кресло, стоявшее по другую сторону столика, большую часть которого занимал массивный письменный прибор.

– Мой Командор...

Грон махнул рукой:

– Оставьте, комендант, я больше не Командор.

– Что-о-о... – комендант задохнулся от изумления, – но... как же так... ведь...

Грон добродушно ухмыльнулся:

– Не бойтесь. Я не изгнанник. И в Корпусе тоже все в порядке. Никакого мятежа. Просто две четверти назад состоялся Совет командиров, на котором я попросил об отставке. Так что теперь Корпусом командует генерал Ставр, а я всего лишь скромный инспектор Корпусных школ.

Комендант несколько мгновений ошарашенно пялился на Грона. Что ж, его удивление было объяснимо. В этом мире еще никто не произнес слова: «Вы никогда не попросили бы меня об этом, если бы увидели мою капусту». Правителей убирала с трона только смерть или мятеж. Поэтому да-

же мысль о том, что Грон ушел сам, по своему желанию, не могла зародиться в голове этого исполнительного служаки. Но представить, чтобы в Корпусе возник мятеж против Великого Грона... да и тон Грона был слишком уверенным для беглеца, а на мертвого он был тем более не похож. Так что комендант решил отодвинуть свою оторопь подальше и пока обращаться к Грону так, будто его уши еще не слышали признания Командора, что он больше не Командор.

– Коман... – Комендант поперхнулся, но тут же поправился: – Великий (за этим обращением последовала короткая пауза и быстрый взгляд, после чего комендант продолжил несколько более уверенным тоном)... купцы с юга и востока принесли странные слухи. Мне рассказывали, что в одном поселке недалеко от Сомроя рыбаки убили троих, которые высадились в этом глухом месте с венецкой шелаки и, употребив в местной таверне крепкого вина, начали похваляться, как они убьют «грязного старика Грона». Рыбаки просто забили их насмерть поленьями, сваленными у камина в той таверне... – Комендант умолк, воткнув в Грона испытующий взгляд. Тот спокойно кивнул:

– Продолжайте, уважаемый. Ведь это не все, что вы собирались мне рассказать?

Комендант обрадованно закивал в ответ. Судя по всему, он немного опасался реакции Грона.

– Потом, значит, торговцы шерстью, которые прибыли из Саора, рассказывали...

Рассказ коменданта продолжался почти полтора часа. Грон слушал внимательно, мысленно поздравляя себя с тем, что опять сумел верно просчитать ситуацию. За столь массовым нашествием тупых подонков, решивших неплохо подзаработать на его убийстве, настолько явственно ощущалась рука Ордена, решившего столкнуть лбами Грона и недовольное его деятельностью ортодоксальное жречество, что лучшего доказательства того, что Орден жив и деятелен, просто не существовало в природе (хотя сам он был уверен в этом уже давно). Но количество незадачливых убийц явно превышало все разумные пределы. И, судя по рассказам коменданта, а также докладным Служа, которые он внимательно изучал всю эту зиму, все они отличались откровенной тупостью и явной невоздержанностью на язык. Уж больно все это выглядело демонстративно. Впрочем, не стоило переоценивать Орден. Все это могло объясняться избыточным усердием низовых исполнителей. Тем просто поставили задачу отобрать сколь возможно большее число людей, способных попасться и сообщить ребятам Служа, что их послали злобные жрецы, чтобы убить «проклятого Грона». Вот ребятки и принялись с энтузиазмом отрабатывать поставленную задачу. Орден состоял из людей *этого* времени. Причем его лучшие кадры явно были похоронены вместе с Островом...

— Что ж, спасибо, уважаемый. Я всегда ценил вас как человека, который открывает мне глаза на многие проблемы. И сегодня получил этому еще одно подтверждение.

Комендант, естественно, ждал похвалы, но чтобы такой... Он ошалело разинул рот, затем захлопнул его и зарделся словно девица на выданье. В этот момент в дверь кабинета робко постучали. Комендант развернулся и грозно рявкнул: – Что за debil там рвется? Я же предупреждал – никому не беспокоить.

За дверью ответили не сразу, причем в голосе ответившего явственно звучали нотки откровенной иронии:

– Это не debil, это я – капитан Слуи. – Дверь распахнулась, и в комнату вошел Слуи.

Коменданта охватил столбняк. Пару мгновений он просто разевал рот, то ли собираясь что-то сказать, то ли просто стараясь поглубже вздохнуть. Как бы там ни было, в результате он подавился слюной и зашелся в кашле. Слуи на мгновение остановился рядом с отчаянно кашляющим комендантом, окинул его ласковым взглядом, легонько хлопнул по спине (отчего коменданта унесло в угол кабинета), после чего повернулся к Грону и четко отдал честь.

– Мой Командор...

Грон хмыкнул:

– Уж тебе-то следовало бы знать, Слуи, что я уже не Командор.

Слуи безмятежно пожал плечами:

– Я знаю, что вы уже не Командор Корпуса, генерал Грон, но вы по-прежнему *мой* Командор. И так будет, пока я не умру.

Из угла послышался восхищенный вздох коменданта. О боги, ну почему в ответ на признание Грона он не догадался с чувством произнести что-то подобное, а проямлил нечто невразумительное. Грон вздохнул и сокрушенно покачал головой.

– Я и не заметил, когда ты научился придворной лести, Слуи.

Слуй пододвинул ногой легкое креслице и, осторожно опустившись на него, пробурчал:

– А куда деваться? Сами засунули меня в этот долбанный Эллор. Вот я всякого дерьма и нахватался.

Комендант в углу замер. При нем так с Гроном еще никто не разговаривал. Значит, он все-таки уже не совсем тот Грон, который... ну, в общем...

Грон усмехнулся:

– Смотри. Выпорю.

Слуй тяжело вздохнул, посмотрел на коменданта и, слегка выпятив нижнюю челюсть, отчего его лицо тут же приняло несколько свирепое выражение, произнес:

– Господин комендант, вы не могли бы на некоторое время оставить нас с Командором наедине?

Комендант, глядя словно замороженный на оттопыренную челюсть Черного Капитана, сомнамбулически кивнул и беззвучно направился к выходу. Слуи проводил его все тем же ласковым взглядом и повернулся к Грону:

– Не понимаю, почему ты до сих пор терпишь здесь эту

бестолочь. Под его командованием застава совершенно разложилась. Здешние бойцы больше подрабатывают грузчиками, чем занимаются боевой подготовкой.

Грон с легкомысленным видом пожал плечами:

– А я не понимаю, что ты хочешь от меня? Во-первых, это застава элитийской армии, а я не командую элитийцами. Как ты уже знаешь, я теперь не командую даже Корпусом. Так что тебе скорее следует обратиться к Франку...

Слуй криво усмехнулся. Грон посмотрел на капитана с деланным недоумением, его губы раздвинулись в ответной усмешке.

– А во-вторых, – заговорил он снова, – здесь совершенно не нужен истый служака. Да что там говорить, тут вообще не нужно воинского гарнизона. И если бы не этот комендант, я бы давно уже убрал отсюда солдат. Но зачем менять то, что уже сложилось? Комендант имеет уши и умение слушать. И ей-богу, он стоит мне и Корпусу намного дешевле, чем ты и твои ребята, а информации приносит ненамного меньше. Вернее, мне он стоит всего сто ящиков дожирского в год. А все остальные расходы покрывает Франк. – Грон лукаво прищурился. – А что, может, мне вообще сократить всех твоих ребят во главе с тобой, а взамен отыскать еще десяток таких комендантов? Так и быть, разорюсь на тысячу ящиков дожирского.

– А вот и хрен, – ерническим тоном отозвался Слуй, – ты теперь не Командор. Так что тебе ничего уже сократить не

удастся. Раньше надо было думать. – И оба рассмеялись...

Заставу они покинули спустя два часа. Слуй подтвердил многое из того, что рассказал комендант. Все-таки у этого смешного толстяка была какая-то странная способность выживать из множества слухов и сплетен, что обрушивали на него подвыпившие купцы и кумушки с рынка, успевшие пообщаться с помощниками караванщиков и возницами, золотые крупницы достоверной информации.

Они ехали бок о бок неторопливой рысью. На этот раз Грон изменил своей обычной привычке – остаток пути до Эллора преодолевать в гордом одиночестве. Короткий привал они сделали у того озерца, на берегу которого он когда-то, много лет назад остановился подремать после бурной прощальной ночи с Толлой. Что в тот раз спасло ему жизнь. Сейчас их сопровождал конвой, приведенный Слуем. Впереди, на расстоянии арбалетного выстрела, легкой рысью выписывали петли полдюжины всадников. Сзади, приблизительно на таком же расстоянии, неторопливо ехало еще около дюжины. Тема покушений уже была обсуждена, и сейчас они говорили о вещах более важных. Вернее, говорил Слуй. Грон больше слушал. За эту весну Черный Капитан успел сделать очень многое. Много, но не все...

– Значит, ты считаешь, что у нас еще есть время?

Грон повернул голову к Слую. Тот кивнул:

– Да. Я не думаю, что они начнут атаку до осенних штормов. Они понимают, что нападение на школы подставит их

под удар Корпуса. А у Корпуса, даже без поддержки элитийской армии, достаточно сил, чтобы раскатать в блин те карликовые армии, которые ты разрешил иметь Венетии, Хемту и остальным. Не говоря уж о том, что из-за столь маленьких армий у них практически нет воинского резерва.

– И ты уверен, что они не задействуют солдат?

Слуй отрицательно покачал головой:

– На первом этапе – наверняка нет. А дальше все зависит от того, что получится у нас. Если мы сумеем тут же зацепить и выдернуть тех высших жрецов, которые стоят во главе заговора, и как следует напугать остальных, то... вполне вероятно, что на этом жреческий мятеж и заглохнет. И мы останемся один на один с Орденом... – Слуй замолчал, вопросительно глядя на Грона. Но тот ничего не сказал, и Слуй продолжил: – А если не получится, то вполне может начаться всеобщая свалка.

Грон все так же молча кивнул. Он все это понимал. Более того, он просчитал действия намного дальше. Эта пауза в речи Служа как раз и была вызвана тем, что капитан как бы деликатно намекал, что пора бы посвятить его и в дальнейшие планы Грона. Но Грон пока не собирался этого делать. У Служа и без того хлопот полон рот. Вот пусть и занимается текущими проблемами. Всему свое время.

В этот момент передовой патруль внезапно разделился. Четверка с места в галоп рванула вперед, а двое оставшихся развернули коней и шустрой рысью устремились к ним. Слуй

придержал коня. Старший конвоя, следовавший с остальными в тылу, проорал команду, и вышколенные бойцы мгновенно отпрянули в стороны, образуя вокруг Грона и Служа широкое кольцо охранения. Грон одобрително кивнул. Что ж, этого следовало ожидать. Первых «ночных кошек» он отбирал и обучал лично. Приятно видеть, что его уроки усвоены и... пожалуй что и углублены.

– Что там?

Подскакавший сержант, старший передового охранения, четко отдал честь и доложил:

– Приметливый засек странный блеск в кустах, и я отправил его и Ящерику посмотреть, что там такое.

Служа кивнул и, растянув губы в усмешке, повернулся к Грону, всем своим видом показывая, что вот оно, очередное подтверждение всех этих историй, которые поведал ему комендант и он сам...

Через полчаса впереди показалась двойка бойцов на конях. Они гнали перед собой трех запыхавшихся людей. Служа скривился, бросил вопросительный взгляд на Грона и, поймав в ответ его равнодушное покачивание головой, повернулся к старшему конвоя:

– Криман, выдели одного, пусть отконвоирует их на наше подворье. Пусть ими займется Полаб. – Служа прищипорил коня и поскакал вдогонку за Гроном, уже успевшим отъехать далеко вперед. Если даже это и были очередные убийцы, то явно из той же когорты придурковатых неудачников, что и

все остальные. А это значит, что тратить на них свое время совершенно не стоило.

Больше никаких неожиданностей до самого Эллора с ними не приключилось...

Когда они въехали в ворота, солнце уже садилось. Стражники у ворот, узнав Грона, восторженно проорали приветствие. Грон вскинул в ответ руку и, кивком попрощавшись со Служем, дал шенкеля Хмурой Буке. Вот он и вернулся...

– И все-таки я не понимаю, почему ты бездействуешь?

Грон усмехнулся и, легонько тронув бока Хмурой Буки шпорами, вырвался вперед. Франк недовольно тряхнул волосами, в которых уже явственно пробивалась седина, и тоже прищпорил коня. Несколько минут они мчались резвым галопом, потом Хмурая Бука, почувствовав, что всадник не против, снова перешла на легкую иноходь. По поводу того, где и как сачкануть, эта крапчатая кобыла неизвестно какой породы, превосходившая, однако, мощью и размерами даже могучих майоранцев, могла дать сто очков вперед любому живому существу. Франк догнал Грона и снова поехал рядом, сердито молча. Грон покосился на него и тихо рассмеялся. Франк, насупившись, пробормотал:

– Не вижу ничего смешного. – Но, не удержавшись, хохотнул.

Грон натянул поводья и остановился.

– Франк, ты один из самых коварных и изощренных типчиков, которых я видел...

– Чья школа? – сварливо отозвался тот.

– ...но как только речь заходит о безопасности твоей сестры или моей, весь твой ум и изощренность начисто улетучиваются, а остается только какой-то животный страх. Нам ничто не угрожает.

– Ничего себе животный страх! – Голос Франка срывался от возмущения. – Ничего себе не угрожает! Да за последние два года мы взяли почти три сотни человек, которым прямо-таки не терпелось истыкать тебя арбалетными болтами или украсить стряпню повара моей сестры какой-нибудь специей вроде крошеного промбоя. Прямо какой-то обвал убийц.

– Ну и как ты оцениваешь этих убийц?

Франк поджал губы и некоторое время ехал молча.

– Все равно их слишком много, – сказал он наконец. – Кому-то может и повезти.

Грон покачал головой:

– Возможно. Но это та случайность, с которой мы ничего не можем поделать. И так вокруг нас раскинута очень частая сеть. А каждый новый убийца, по существу, делает благое дело – он тренирует нашу охрану. Но... главное не в этом. Как ты думаешь, зачем они засылают в Элитию и Атлантор столько идиотов и дилетантов?

Франк вздохнул. Он слишком давно варился в устроенном Гроном котле, чтобы не иметь ответа на этот вопрос.

– Значит, ты считаешь, что это всего лишь туман, попытка отвлечь внимание от места главного удара?

Грон молча кивнул.

– И где же они собираются нанести этот главный удар?

Грон улыбнулся:

– А как ты думаешь, почему на недавно прошедшем Со-

вете командиров новым Командором Корпуса стал Ставр, а я занял скромную должность инспектора Корпусных школ?

Франк изумленно воззрился на Грона:

– Какого... Ты считаешь, что они?..

Грон кивнул:

– Определенно. У них просто нет другого выхода. Они всегда боролись с тем, что называют «грязным знанием». А тут у них перед носом живет и действует целая сеть учреждений, как раз и распространяющих это самое «грязное знание» по всей Ооконе.

Франк озадаченно почесал затылок:

– Магрова задница! А мы-то на Совете развесили уши. – Он хмыкнул. – Слышал бы ты, что заявил после Совета этот сопляк Инкут.

Грон усмехнулся:

– Ну, догадаться нетрудно: «Грон уже стар и хочет отдохнуть». Кстати, он не так уж и не прав. Я действительно стар для того, чтобы все время забивать себе голову ежедневными заботами Корпуса. Так что по поводу ремонта Восточного бастиона пусть теперь Ставр мозги себе ломает. Как и финансированием новой линии гелиографа до восточного побережья. А я буду наслаждаться отдыхом в кругу семьи и... иногда совершать тихие конные прогулки со старыми друзьями.

Франк покосился на лениво бухающую подковами Хмурую Буку, припомнил, каким дьяволом становится это созда-

ние при звуке горна, дающего сигнал к атаке, и хмыкнул. Да уж, тихие конные... Между тем Грон подтянул повод и дал шенкеля своей кобыле. На этот раз Хмурая Бука четко уловила, что сачкануть не удастся. Поэтому она послушно перешла на средний аллюр. На *свой* средний аллюр. Но кауруму жеребцу Франка пришлось попотеть, чтобы удержаться на хвосте могучей кобылицы. И тот вновь восхитился выбором Грона. До сих пор считалось, что «великих» и «могучих» должен носить белоснежный либо угольно-черный жеребец, как правило майоранской породы. Но Грон всегда подходил к выбору своего коня с сугубо практической точки зрения. Поэтому, когда Упрямый Хитрец, сын легендарного Хитрого Упрянца, стал слишком стар, чтобы отвечать требованиям, которые Грон предъявлял к своему коню, а в его собственных (кстати, очень неплохих) табунах не нашлось подходящего, среди торговцев лошадьми начался настоящий переполох. Грон слыл знатоком лошадей, так что торговец, доставивший ко двору лошадь, на которую он положил бы свое седло, мог быть спокоен за свое будущее. Однако на этот раз удача улыбнулась отнюдь не знаменитым и богатым, которые буквально заволокли манеж дворца базилисы белоснежными и черными майоранскими жеребцами, а бедному паслушку из вольных бондов, который пригнал в Орлиное гнездо одинокую степную кобылицу (рядом с которой, правда, все майоранские жеребцы выглядели как пони). Его подняли было на смех (ну еще бы, предложить Великому Грону

кобылицу, да еще неизвестно какой породы и странноватого желто-черного окраса), но, когда Грон, выйдя на двор, тут же приказал принести седло и накинул на устрашающую морду Буки свою прочную кожаную уздечку, все смешки умолкли. Бука раздраженно заржала и так лягнула неосторожного конюха, пытавшегося затянуть подпругу, что тот отлетел к коновязи и сломал горизонтальный брус. Если бы не приказ Грона не приближаться к кобыле без легких стрелковых лат, из того точно вышибло бы дух. А Грон рассмеялся, рывком уздечки отвел в сторону крепкие желтоватые зубы (размером с добрый булыжник каждый), уже примеривающиеся к его шее, и произнес:

– Ну совсем как старина Хитрый... – Отпустив уздечку, он внезапно хлопнул обеими ладонями по лошадиным ушам. Бука вздрогнула, всхрапнула, присела на задние ноги и попыталась ошеломленно мотнуть головой. Но Грон не позволил. Он стиснул руками лошадиную морду и, зло оскалившись, заглянул Буке в глаза:

– Запомни, милая, я – страшнее и злее. Поэтому теперь ты будешь слушаться меня.

Бука снова захрапела и попыталась вырвать голову, но Грон вывернул ее вверх, заставив кобылицу сильнее присесть, а затем еще раз ударил ей по ушам. И, пока та трясла головой, ласточкой взлетел в седло, на котором очухавшийся и уже гораздо более осторожный конюх успел-таки затянуть подпругу. Бука яростно заржала, встала на дыбы, но Грон

огрел ее семихвостой плеткой, когда-то поднесенной в дар тасожскими ханами и до сего дня пылившейся на стене, и дал шпоры.

Через два часа Бука вновь въехала во двор Орлиного гнезда. Ее шкура была белесой от ключьев пены, бока тяжело вздымались при каждом вздохе, но шаг она держала твердо. И каждый, кто в этот момент мог лицезреть лицо Великого Грона, понял, что тот нашел себе коня. С того дня Грон ни разу не пожалел о своем выборе...

– А вот и хозяин!

Франк отвлекся от своих воспоминаний и натянул поводья. Грон остановил Буку перед извилистым спуском, круто сбегаящим к небольшой бухте, берега которой были укрыты густым лесом. На опушке, шагах в двадцати от воды, была устроена большая хижина на сваях с обширной террасой, охватывающей хижину по всему периметру, а чуть дальше, в двух-трех сотнях шагов от воды, на большой лесной прогалине виднелись крыши еще трех хижин поменьше, загон для скота и сарай, крытый соломой. На террасе большой хижины в плетеном кресле-качалке развалился могучий дочерна загорелый человек. Грон хмыкнул.

– Похоже, старина Тамор потерял нюх.

Но тут, как бы опровергая сказанное, человек в кресле-качалке вскинул руку и лениво пошевелил ладонью в приветственном жесте.

– Нет, – глубокомысленно ответил Франк, – он просто об-

ленился. – И оба расхохотались...

Спустя полчаса они сидели на залитой солнцем террасе с бокалами дожирского в руках и смотрели на закат. Франк вдруг вздрогнул и повел носом. Тамор взглянул на него с ухмылкой:

– Ну что, молодой, что говорит тебе твой нос?

Франк улыбнулся:

– Он говорит мне, что эти фрукты, которые принесла нам одна из твоих не менее аппетитных служанок, будут не единственным угощением сегодняшнего вечера.

Тамор фыркнул и повернулся к Грону.

– Клянусь потрохами голубой акулы, за те годы, что провел рядом с тобой, Грон, я заразился от тебя всякой дребеденью. Еще утром я почуял, что меня сегодня посетят важные гости. И велел этому немоу бездельнику приготовить вымоченную в вине парную баранину, запеченную на углях.

– Немоу?

Тамор сморщился:

– Ф-ф, я ж тебе не рассказал, у меня новый повар. – Он жадно припал губами к бокалу, выпив одним глотком половину содержимого, поставил его обратно на стол и откинулся на спинку кресла. – Так вот, как ты знаешь, после того как Грон отправил меня в отставку якобы за большие потери в битве у Каменистых куч, все считают меня несправедливо обиженным. И потому ко мне регулярно наведываются некие представительные делегации, мечтающие помочь мне

разобраться с «обидчиками»...

Франк усмехнулся. Конечно, сейчас, через пять лет после отставки, Тамор мог рассуждать об этом с иронией. Но Франк помнил, как адмирал был уязвлен своей отставкой. Правда, когда Грон приказал Тамору удалиться из Эллора после пьяного дебоша, устроенного им в портовых трактирах в вечер отставки, тот принял ссылку без особого гнева, хотя многие решили, что он просто не подает виду. Однако пять лет, проведенные Тамором в уединении, вдали от роскоши и величия Эллора и соленых ветров Герлена, судя по всему, пошли ему на пользу. Во всяком случае, сейчас Франк не мог уловить в голосе отставного адмирала ни намек на обиду.

– ...больше всего меня поразила его жадность. Представьте, мужики, этот лопающийся мешок сала предложил мне отомстить Грону, убив его жену, причем всего за два кошелька золота! – Тамор раскатисто захохотал.

– А при чем тут твой немой повар?

Франк вздрогнул. Когда в голосе Грона звучат такие нотки, следует держать ухо востро. Но Тамор ничего не понял:

– Так этот урод был его телохранителем. Правда, дерьмовым. – Тамор сморщился и почесал увесистый шар своего левого бицепса. – Сказать по правде, когда я выдернул арбалетный болт из своего левого плеча, у меня было сильное желание свернуть ему шею. Но оказалось, что в стряпне стервец может дать сто очков вперед моей кухарке. И я оставил его на кухне.

Тут деревянные ступеньки закрипели под тяжестью немалого тела, и Тамор оживленно вскинулся.

– Вот, кстати, и он. Как узнал, что я ожидаю важных гостей, так с утра выгнал всех из кухни, запер дверь и колдует. Кухарка говорит, что он готовит что-то сногсшибательное.

Франк, который уже был настороже, заметил, как Грон слегка развернулся и будто бы случайно уронил руку с подлокотника к левому бедру, к которому был пристегнут морской кортик, сейчас укрытый длинной полой дорожного хитона. Спустя мгновение из-за угла хижины показался рослый чернокожий с подносом, уставленным соусницами, вазами с овощами и кувшинчиками. Посередине величественно покоилось блюдо с живописно уложенными на нем кусками хорошо прожаренного мяса, истекающего ароматным соком. Грон (по поводу которого Франк готов был поклясться, что еще мгновение назад он готов был воткнуть в появившегося из-за угла свой кортик) восторженно взревел. И любому, кто посмотрел бы на него в этот момент, сразу стало бы ясно, что последние полчаса этот человек остервенело грыз ногти в ожидании еды и вот наконец-то ее дождался. Тамор с энтузиазмом присоединился к этому реву. Повар осторожно поставил поднос на стол и склонился в низком поклоне. Грон совершенно беспечно нагнулся прямо к мясу и с выражением неземного блаженства на лице втянул ноздрями аромат.

– Да-а-а, кусочек этого блюда надо отправить в храм. Боги не простят нам, если мы сожрем это без их участия.

Тамор самодовольно надулся:

– Я же говорил – этот парень отличный повар.

Грон согласно кивнул головой:

– Да-а, и подобное мастерство требует вознаграждения. –

Он повернулся к повару и, запустив руку под левую полу дорожного хитона (отчего Франк напрягся), выудил из-под него кожаный кошель с золотом.

– Вот, – Грон величественно протянул повару золотой, – возьми, милейший, ты заслужил. И еще... – Он повернулся к блюду с мясом, наколот на свой кортик (и когда он успел его вытащить?) верхний кусок, другой рукой налил стакан дожирского и протянул повару. Тамор, уже успевший ухватить один из наиболее аппетитных кусочков, озадаченно следил за его манипуляциями. Еще бы, до него наконец-то дошло, что сидящий сейчас рядом с ним человек ничем не напоминает его старого друга. Он скорее похож на талантливого актера, играющего сценку «Великий Грон на отдыхе, в кругу друзей, милостиво одаривает искусного повара», чем на самого Грона.

Повара слегка перекосило (впрочем, если бы Франк не был так насторожен, он вполне мог бы принять это за, скажем, благоговение перед Великим), с низким поклоном он принял монету, засунул ее за щеку, затем взял предложенное угощение. Грон упер в него свой знаменитый взгляд, воспетый не одним десятком поэтов. Повар несколько мгновений оцепенело держал мясо в руке и вдруг с отчаянным вскри-

ком отбросил его в сторону и бросился на Грона. Грон рухнул на пол вместе с креслом и откатился в сторону, а Тамор, к тому моменту уже понявший, что происходит что-то неладное, выпрыгнул из своего кресла и, схватив со столিকা серебряный столовый нож, с надсадным хеканьем вонзил его в глаз своему взбесившемуся повару. Лезвие ножа было закругленным, так что, если бы Тамор промазал хотя бы на палец, этот работник ножа и черпака отделался бы простой царапиной, но у старого морского волка все еще была твердая и верная рука. Повар умер сразу, не успев даже осознать того, кто и как его убил, а грузное тело, продолжая движение по заданной траектории, разнесло вдребезги изящный столик черного дерева со стоящим на нем подносом с едой, обдав всех троих шрапнелью из мяса и запеченных овощей.

Когда они, отплеываясь от ошметков овощей и вытирая с лица соус, поднялись на ноги, Франк наклонился над телом и прижал палец к основанию шеи. Выпрямившись, он с огорчением покачал головой:

– И зачем тебе было его убивать?

Тамор зло огрызнулся:

– А чего еще было с ним делать?

Франк зло оскалился:

– Ну, я бы не отказался задать ему пару вопросов.

– Немому?

– Не беспокойся, я нашел бы способ разговорить и немого... или, может, тебе надо было, чтобы он умер *до того*, как

я начну задавать вопросы *твоему* повару?

– Что?! Ах ты, проклятый сын...

– А не заткнуться ли вам обоим?!

Голос Грона подействовал как обычно, заставив спорщиков мгновенно умолкнуть и повернуться к командиру в ожидании приказаний. Грон задумчиво соскреб шматок соуса с правой щеки и в данный момент как раз снимал пробу.

– А ты был прав, Тамор, он был очень неплохим поваром.

Франк вскинулся:

– Грон, ты что?! Это, может быть, яд...

Грон рассмеялся:

– Да нет, ребятки. Когда Тамор рассказал, как готовит мясо его новый повар, я понял, что он собирается сделать. – Он кивнул на мясо. – Он собирался нас отравить, все так. Но подумай, где твой повар мог бы взять хорошего яда? А то, что было под рукой, требует больших концентраций и неминуемо портит вкус блюда. И потому накормить нас этим в достаточной мере – нереально. Так что у него был один выход. – Грон с иронией посмотрел на Франка, перевел взгляд на адмирала, словно приглашая сказать вслух совершенно очевидную вещь. И тут Тамор со всего размаху засветил себя по лбу:

– Ах Щеровы яйца! Кухарка же рассказывала мне, что он хранит кожу и потроха тримаглов в стеклянной амфоре с притертой пробкой!

Грон согласно кивнул:

– Что и следовало доказать. А характерный привкус этой отравы отлично маскируется вином. Вот тебе и мясо в вине. – Он повернулся к Франку: – Что же до того, чтобы разговорить немого, то, увы, в *этом* случае все наши старания были бы бесполезны. – Грон подошел к трупу и легонько пнул его ногой. Тело перевалилось на спину. – Видишь насечки на виске?

Франк наклонился над трупом, внимательно посмотрел на насечки, потом распрямился и обратил вопросительный взгляд на Грона.

– Это знак секты калфов. Они промышляют тем, что подбирают беспризорников на рынках и делают из них вышколенных и преданных слуг.

– Немых?

– Не обязательно, но если таково будет желание заказчика... Так вот, этих ребят обучают... вернее, даже дрессируют в духе абсолютной верности хозяину.

Франк хмыкнул и открыл рот, явно собираясь что-то сказать, но Грон его опередил:

– Причем это обучение построено на методах болевого принуждения. Поэтому их очень сложно принудить к чему-то болью. Потому-то они так и преданы своему хозяину, что его появление означает для них освобождение от боли. Ну, почти... но это не имеет почти ничего общего с тем, что им приходится терпеть в процессе дрессировки.

Франк закрыл рот. Минуты две они молчали, затем Грон

вздохнул, еще раз провел рукой по щеке, счищая остатки соуса, и тихо произнес:

– Ладно, прикажи слугам прибраться, а мы пока пройдемся. Пора обсудить, как мы будем разгребать все то дерьмо, что вот-вот посыплется на наши уже седые головы.

– МЫ?! – Франк удивленно покосился на Тамора, затем перевел взгляд на Грона.

Тамор усмехнулся:

– А ты так и не понял, почему я тогда так быстро успокоился после отставки? Просто на следующий день Грон объяснил мне, зачем ему нужен опытный, заслуженный и СИЛЬНО ОБИЖЕННЫЙ адмирал недалеко от Эллора.

Служанка последний раз провела вычурным костяным гребнем по волосам и, отступив на шаг, окинула свою работу придиричивым взглядом. Толла чуть повернула голову и, не отрывая взгляда от тонкого серебряного зеркала, сначала чуть опустила, а затем немного вздернула подбородок.

– Спасибо, Линкимета, все хорошо.

Служанка с сомнением качнула головой, снова окинула прическу Толлы цепким взглядом, сделала шаг вперед, еще раз провела гребнем над левым ухом, но потом все-таки поклонилась и выскользнула в коридор.

Толла улыбнулась. У нее было всего три служанки, но каждая из них была упряма и безапелляционна, как судья на гонке колесниц. Однако свои обязанности все три знали просто блестяще, а уж выполняли прямо-таки самоотверженно. А когда Толла попыталась хоть немного утишить их рвение, заявив, что ей уже не семнадцать, у нее взрослые дети и она вполне имеет право не тратить больше столько времени на свой внешний вид, Линкимета, старшая из трех, строго ответила: «Благородная госпожа, народ знает вас под именем Прекраснейшей, и вы не вправе разочаровывать свой народ». Причем это было сказано таким тоном, что со стороны могло показаться, что если особа, именуемая Прекраснейшей, еще раз заикнется о чем-либо подобном, то Линкимета

просто отшлепает ее по мягкому месту.

Толла еще раз окинула взглядом результат почти часовых мучений и признала, что они того стоили. Морщинки в уголках глаз и у губ были практически незаметны, седые пряди у висков укрыты в ее еще густой гриве, а их корни тщательно задрапированы локонами, волосы на затылке убраны в причудливый хвост, подчеркивающий все еще стройную, без складок шею. Поднявшись с низкой табуреточки, Толла повернулась и, слегка отставив ногу, чуть прогнулась в пояснице, так чтобы платье обрисовало высокую и еще упругую грудь и тяжелые, но изящные шары ягодиц, а потом тихонько рассмеялась. Да, она еще Прекраснейшая. И не только в глазах Грона. В конце концов, ее неумный любимый муж чаще всего видит ее уже ночью, когда теплый сумрак, слегка подсвеченный огоньками свечей и масляных ламп, скрывает пороки и оттеняет достоинства. Впрочем, она твердо знала, что, даже если бы у нее была всего одна нога и не было бы передних зубов, она все равно осталась бы для него Прекраснейшей. Их связывало слишком многое, чтобы этому многому могли помешать какие-то чисто внешние недостатки. Толла, конечно, не исключала, что в своих многочисленных странствиях он мог согреть постель и какой-то другой женщине, но твердо знала, что он все равно вернется к ней, обнимет ее своими сильными руками, вдохнет запах ее волос и совершенно счастливым голосом произнесет: «Ну вот, малыш, я и вернулся». И эта уверенность была самой главной

опорой и основным смыслом ее жизни. А то, что она базилиса самого могущественного государства Ооконы... что ж, не может же в жизни везти во всем и всегда, и каждому приходится нести свою ношу.

Толла легко вздохнула и, вскинув руки, еще немножко похвасталась перед зеркалом, потом повернулась и вышла из спальни.

В зале утренних приемов она сразу заметила дюжую фигуру в простой полотняной тунике, скромно притулившуюся у дальней арки. Впрочем, вся эта скромность пропадала втуне. Ни один из более чем десятка присутствующих (каждый из которых имел немалую власть и влияние при ее дворе, поскольку в зал утренних приемов могли попасть только самые высокопоставленные и важные чиновники и секретари) не мог себе позволить не заметить этого... вряд ли у кого мог повернуться язык назвать его просителем. Но каждый также знал, что этот человек очень не любит, когда на него обращают излишнее внимание. Поэтому Толла чуть не рассмеялась, узрев на лицах присутствующих забавную смесь показного безразличия и дикой, до колик в желудке, внутренней напряженности. Пожалуй, надо было ей не вертеться у зеркала, а поторопиться и поскорее избавить своих подданных от присутствия этого человека. А то, вполне возможно, если бы она еще немного подзадержалась, кто-нибудь из находящихся в этом зале успел бы заработать на нервной почве язву желудка. А впрочем, может, кто-то уже и заработал.

– У тебя есть что-то для меня, Слуй?

Фигура отделилась от стены и согнула могучую выю в старательной попытке изобразить придворный поклон.

– Да, госпожа. Но это не срочно. Я могу подождать, пока вы примете тех, кому назначено.

Толла усмехнулась про себя, представив, что случится с ее людьми, если Слуй будет маячить в зале, скажем, до обеда, и качнула головой в жесте легкого отрицания:

– Да уж нет, пойдем. – И, чуть повернув голову к остальным, добавила: – Я прошу простить, господа, мне придется слегка пересмотреть расписание приема и попросить вас немного подождать.

На лицах тех, кто склонился перед ней в поклоне, было написано неопишемое облегчение.

Войдя в покои, она не стала подниматься на небольшое возвышение, на котором был установлен легкий трон, сидя на котором базиллиса обычно принимала посетителей, а подошла к стоящему в углу комнаты изящному резному столику, на котором высились ваза с фруктами и высокий кувшин с охлажденным дожирским. Толла молча налила бокал, протянула гиганту и присела на стоящее рядом со столиком небольшое канапе.

– Итак, Слуй, какие у нас проблемы?

Тот с задумчивым видом осушил вместительный бокал и сморщил лоб.

– Толла, то, что я хочу... я должен тебе сказать, не должно

дойти до ушей Грона.

Толла несколько мгновений непонимающими глазами смотрела на Служа, потом с озадаченным видом откинулась на канapé:

– Служа, поясни, пожалуйста, я не поняла: ты хочешь рассказать мне что-то, чего не должен знать Грон?

Служа сумрачно насутился:

– Не хочу. Более того, рассказывая тебе все это, я впрямую нарушаю приказ Грона, но... я должен это сделать. И... все это Грон уже знает, просто он не придает этой информации должного значения.

Толла покачала головой:

– Значит, ты считаешь, что лучше Грона понимаешь что и как?

Служа упрямо набычился:

– Не во всем и не всегда, но... я занимаюсь своим делом уже двадцать с лишним лет и за это время успел заразиться от Грона тем, что он называет «интуиция». А последние полгода мой нос чует запах жареного, да, Магровы яичники, меня уже воротит от этого запаха. – Он схватил кувшин с дожирским и отхлебнул из него, словно это была кружка. – Ты знаешь, за последние два года нам удалось перехватить несколько сотен... личностей, имевших намерение заработать некоторые деньги путем убийства Грона, тебя или ваших детей...

Толла кивнула, с трудом сдержав изумленный взглас. Ей

было известно о семи случаях, но брат как-то проговорился, что ей сообщали не обо всех, а только о наиболее опасных. Посему она думала, что покушений было два, а то и три десятка, но цифра, названная Слуем... Однако тот был, похоже, слишком увлечен своими мыслями и потому не заметил тени изумления, промелькнувшей на лице базиллисы. Тем более что она прошла слишком хорошую школу правительницы, чтобы позволить какому-либо чувству отразиться на лице так, чтобы кто-то успел это заметить.

– Конечно, большинство из них были просто тупыми идиотами, но их было слишком много. К тому же сейчас положение изменилось... – Слуй запнулся и досадливо поморщился, словно никак не мог найти подходящие слова. То ли от излишнего волнения, то ли от чего-то еще.

– Так вот, Грон считает, что все это чепуха и основной удар остатки Ордена нанесут по Корпусным школам. А все эти попытки покушения – всего лишь дымовая завеса, попытка заставить нас испугаться, распылить наши силы. Сказать по правде, еще полгода назад я был склонен разделять его позицию, но сегодня... – Слуй на мгновение замолчал, глядя на Толлу, и заговорил с неожиданным отчаянием в голосе: – Я не знаю, как это выразить, чтобы ты поняла... я слишком давно нюхаю это дерьмо, чтобы понять, что у него незаметно, но ощутимо изменился запах. Понимаешь... сейчас ситуация совершенно другая. Хотя внешне все выглядит совершенно как раньше, но в игру вступили игроки другого

уровня. За последние полторы луны было совершено две попытки покушения на Грона, и обе едва не закончились успехом. Причем оба эти чуть не оказавшихся успешными покушения были как бы скрыты в двух других, абсолютно дебильных, попытках, ничем не отличавшихся от большинства тех, с которыми мы сталкивались за эти два года.

Грона чуть не убили! Толла стиснула челюсти так, что заболели зубы, и негромко произнесла:

– Расскажи поподробнее.

– Одно покушение попытался совершить раб, воспитанный в секте калфов. Его хозяин попытался соблазнить Тамора на покушение двумя кошельками золота. А после того как Тамор свернул ему шею, выяснилось, что этот немой раб – неплохой повар. И Тамор взял его к себе. Тот прожил у него почти луну, прежде чем в его хижине появился Грон. И тут выяснилось, что раб решил выполнить работу, которую принял на себя его покойный хозяин.

– А второе?

– Тут не менее интересно. После того как Сайторн подсыпал в пищу Грона крошенный промбой, о чем, как ты знаешь, нынче достаточно хорошо известно тем, кто хочет побольше узнать о Гроне, считается, что отравить командора невозможно. Во всяком случае, ядами. Так что попытки отравления достаточно редки и предпринимаются теми, кто не имеет доступа к необходимой информации. Как, скажем, тот повар. Отчего его попытка чуть не оказалась самой успешной.

Но мы не подумали о толченом стекле...

Когда Слуй закончил рассказ, Толла поймала себя на том, что не может сидеть на месте. Она вскочила на ноги и стремительным шагом пересекла комнату из конца в конец. Слуй угрюмо наблюдал за ней.

– И что ты хочешь от меня?

Слуй нахмурился:

– Осторожности.

Толла изумленно вскинула брови:

– Пытаются убить Грона, а ты говоришь об осторожности МНЕ?

Слуй свирепо мотнул головой:

– Ты не поняла, Толла. Грон живет во всем этой дерьме уже... вторую жизнь. И я не знаю человека, который был бы более него готов к тому, что откуда-то из темноты внезапно прилетит арбалетный болт или за спиной возникнет тень с занесенным ножом. То есть, если какой-нибудь убийца прорвется через все кольца охраны, ему придется еще иметь дело с самим Гроном. И, сказать по правде, я ему не завидую. А вот ты...

Толла нахмурилась:

– Как ты помнишь, Слуй, я тоже не изнеженная патрицианская дочка.

Слуй усмехнулся:

– Если бы я считал тебя изнеженной патрицианской дочкой, то никогда бы не затеял этот разговор... понимаешь,

мне кажется, что Грон до сих пор не понял, что то, что раньше, возможно, действительно было всего лишь дымовой завесой, теперь стало чем-то намного более серьезным. И продолжает считать, что ни ему, ни вам не угрожает никакой серьезной опасности. И если по поводу Грона это, возможно, так и есть, именно потому, что он – Грон, то ты должна быть готова к тому, что между тобой и твоими убийцами либо убийцами твоих детей останешься только ты сама.

Толла несколько мгновений молчала, словно продолжая вслушиваться в уже отзвучавшие слова, потом подошла к колонне и прижалась лбом к холодному мрамору. О боги, неужели опять? Эти годы они прожили как во сне. Ну почему сейчас?!

Когда луну назад Грон, несмотря на все выставленные ею дозоры, как всегда внезапно появился на пороге ее спальни, она как раз разобрала ложе (суровая школа гетеры настолько въелась ей в кровь, что она до сих пор не допускала служанок до своей постели) и сидела перед зеркалом, расчесывая волосы и мучительно размышляя, почему Грон в этом году так задержался. Линкимета уже затушила все масляные лампы, кроме двух, стоящих по обеим сторонам зеркала, и ушла, так что Толла была одна. Поэтому, когда в сером сумраке серебряного зеркала блеснули чьи-то глаза, Толла на мгновение замерла, быстро окинув взглядом столик, на котором лежали любимые ею тяжелые бронзовые заколки, а потом, когда до нее дошло, чьи это глаза, вскочила на ноги и резко развер-

нулась, едва не опрокинув лампу. Грон шагнул вперед, стиснул ее в объятиях и впился в ее рот губами. Она задохнулась от охватившего ее восторга и застонала, почувствовав, как ее охватила судорожная истома и стало горячо и томительно внизу живота. О боги! Ни один мужчина в мире не мог доставить женщине ничего подобного всего лишь одним своим прикосновением.

— О Грон, ну почему ты всегда появляешься так... неожиданно...

Но Грон был совершенно не склонен к разговорам. Толла почувствовала, как его руки резко вздернули подол ее платья. Тонкая венетская ткань, стоящая почти два веса золотом, не выдержала столь грубого обращения и затрещала, платье, превратившееся в тряпку, отлетело в угол, и руки мужа обхватили ее обнажившуюся грудь. Толла вскрикнула и стиснула голову Грона, погрузив свои тонкие пальцы в его коротко стриженные волосы, а затем опрокинулась на ложе, увлекая его за собой... Когда она почувствовала его внутри себя, то вскинула ноги и, обхватив его бедрами, изо всех сил качнулась вперед, моля Мать-солнце о том, чтобы удержаться и не кончать как можно дольше, растянуть эти восхитительные мгновения на минуты или даже часы. Но, как обычно, Мать-солнце не обратила никакого внимания на эту ее молитву. Как и на все остальные в ту дивную ночь...

А утром она проснулась совершенно счастливая. В промежутках между бурными ласками Грон рассказал ей, что он

наконец-то сбросил со своих плеч командование Корпусом и теперь ему нет никакой необходимости каждый год по осени оставлять ее одну и отправляться на север, в Корпус. Так что с того утра она пребывала в полной уверенности, что достигла всего, о чем только может мечтать женщина. И впереди бесконечная череда счастливых дней... и ночей.

Толла оторвалась от колонны и пристально посмотрела на Служу.

– А почему Грон не хотел, чтобы ты мне все это рассказал? Служу пожал плечами:

– Не знаю. Кто может знать мысли Грона? – Он мгновение помолчал, словно ища ответ. – Возможно, он просто не хотел тебя тревожить. Он вообще считает, что основной удар по-прежнему направлен на него. Скорее всего, это так и есть. Но люди, которые сумели мобилизовать такое количество убийц, вполне могут выделить пару-тройку десятков и для удара по вам. И... за вас я боюсь гораздо больше, чем за Грона. Тем более что сейчас, как мне кажется, среди этих толп дебилов и придурков вполне могут затеряться и один-два более умелых.

Толла кивнула и, обхватив плечи руками, зябко вздрогнула.

– Что ж, спасибо, Служу. Я учту твоё предупреждение. К тому же теперь, как мне сказал Грон, он все время будет рядом с нами. Так что, – она вымученно улыбнулась, – у нас теперь будет еще один рубеж обороны. Который, по твоим

словам, намного более опасен для нападающих, чем остальные. Не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.